МУДРОВ

ПРОФ. В. Н. СМОТРОВ

МУДРОВ

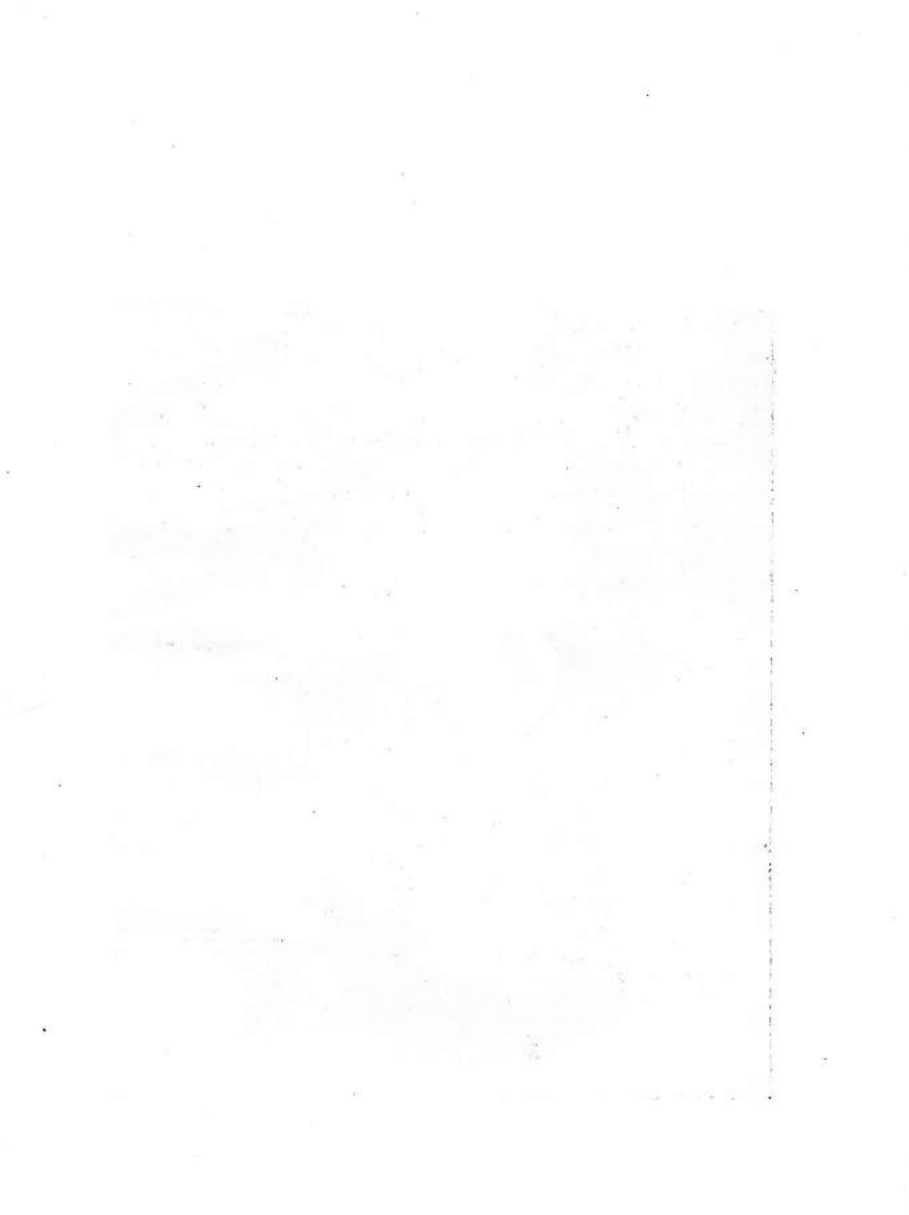
1776 – 1831

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МЕДИЦИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1947

М. Я. Мудров

ВВЕДЕНИЕ

Профессор Матвей Яковлевич Мудров, выдающийся клиницист первой трети XIX века, принадлежал к тем замечательным русским людям, которых можно назвать основоположниками нашей медицинской науки. Значение Мудрова как общественного деятеля, врача и педагога огромно. С его именем тесно связана история медицинского факультета Московского университета. Ему в значительной степени обязана наша отечественная медицина теми успехами, которые она сделала в начале минувшего века.

Мудров по праву считается отцом русской терапевтической школы. По словам Н. И. Пирогова, он был едва ли не единственным исключением из тогдашних профессоров по своей способности горячо увлекаться новыми течениями в науке и в увлекательной форме знакомить с ними своих многочисленных учеников.

Подробно ознакомившись с заграничными врачебными школами, Мудров задался целью поднять преподавание медицинских наук в Московском университете до западноевропейского уровня. Это ему в полной мере удалось. В некоторых областях он даже опередил европейские, в частности, немецкие и французские, университеты. Например, он настойчиво старался установить тесную связь между клиникой и патологической анатомией, чего на Западе в то время еще не было.

Мудров был первым русским профессором, начавшим читать курс военной гигиены и оценившим в должной сте-

пени значение медицинской профилактики. Ряд положений, выставленных Мудровым более столетия назад, до сих пор не утратил своей свежести и актуальности. Он учил молодых врачей лечить не болезнь, а больного; он боролся с увлечением сложными лекарственными смесями, в которых большинство врачей видело тогда основное содержание терапии; он первый указал на необходимость расширения клинической практики в системе преподавания медицинских наук.

Среди современных ему ученых фигура М. Я. Мудрова была одной из крупнейших—и не только как талантливейшего врача и педагога, но и как передового общественного деятеля, шедшего нога в ногу с лучшими русскими людьми начала XIX столетия.

С жизнью и деятельностью М. Я. Мудрова должны быть знакомы работники советской медицины.

«Пока мы будем любопытны о медицине, об успехах ее, дотоле будем признательны к заслугам Мудрова» («Вестник естественных наук и медицины», 1831 г.).

*

«Как бы переносил граф (Ростов) болезнь своей любимой дочери..., ежели бы он не имел возможности рассказывать подробности о том, что Метивье и Феллер не поняли, а Фриз понял и Мудров еще лучше определил болезнь».

(Л. Н. Толстой, «Война и мир»).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МАТВЕЙ Яковлевич Мудров родился 23 марта 1776 года в многочисленной и бедной семье священника Вологодского девичьего монастыря. Детство и юность будущего корифея русской медицинской науки начала XIX века протекали в тяжелых материальных условиях. Его отец был бессребренником; он нередко раздавал все свои деньги прохожим богомольцам, а сам с семьей терпел нужду. Мудров учился в Вологодской духовной семинарии, где был вынужден собственным трудом, главным образом переплетным искусством, зарабатывать деньги на приобретение учебных пособий. Позднее, в старших

классах училища, ему оказывал существенную помощь городской штаб-лекарь Кирдан, домашним учителем детей которого был Мудров.

Вот как М. Я. Мудров вспоминал о своем детстве: «Когда я был еще мальчишкой, почасту на улице игрывал с детьми городского переплетчика, сдружился с ними, хаживал к ним в дом и с любопытством, бывало, сматривал на переплетную работу, даже и сам несколько перенял из этого мастерства. Поступивши в семинарию, начал я порядком переплетать тетради, сперва себе, после и товарищам, и до того наторел в этом деле, что иногда помогал самому переплетчику. За такие послуги мне плачивали товарищи, одни бумагою писчею, а другие и переплетчик давали мне малую толику деньжонок, которые в те поры были мне очень дороги; я прикапливал их на крайние свои надобности, особливо же на сальные свечи. Вот, бывало, зажгу свечу, сяду писать вечером, а матушка и подсядет ко мне с работою; я-то, бывало, и скуплюсь светом и застеняю ей, а она, голубушка, сперва покричит на меня, потом примется упрашивать и обещает мне испечь при хлебах ржаную лепешку с толченым конопляным семенем, и вот у нас и лады с нею; сидим, бывало, молча и делаем каждый свое».

Желание стать врачом владело Мудровым с юных лет. Здесь сказалось, с одной стороны, влияние отца, мечтавшего дать сыну медицинское образование, а с другой— постоянное общение с Кирданом, познакомившим юношу с основами своей специальности. По окончании семинарии, а после нее главного народного училища в Вологде 19-летний Мудров, подобно Ломоносову, с котомкой за плечами отправился в Москву. Кирдан снабдил его деньгами и рекомендательным письмом к своему другу, профессору Московского университета Керестури. Отец М. Я. Мудрова, провожая сына в университет, благословил его небольшим медным крестом, подарил ему на дорогу

старую чайную фаянсовую чашку с отбитой ручкой, 25 копеек медными деньгами и дал такое наставление: «Ступай, учись, служи, сохраняй во всем порядок, quoniam ordo est cardo omnium rerum (священник был большой знаток греческого, латинского и еврейского языков); помни бедность и бедных, так и не позабудешь нас, отца с матерью, и утешишь». М. Я. Мудров принял к сердцу это отцовское наставление.

Московский университет в то время в научном отношении стоял невысоко. Центр тяжести всей учебно-воспитательной работы сосредоточивался главным образом в бывших при нем двух гимназиях. Чтобы поступить в университет, Мудрову пришлось предварительно пройти старший класс университетской гимназии, после чего в 1796 г. он был зачислен студентом медицинского факультета. В то время как гимназии были переполнены, университет почти пустовал,—так мало находилось охотников доучиваться в нем. В преподавании не проводилось строгой границы между средней и высшей школой. Готовя молодых людей к государственной службе, университет обучал их военным наукам с применением всех правил военной дисциплины. Студенты исполняли роль ротных командиров и обучали гимназистов выправке, маршировке и ружейным приемам. Раз в год университетскому потешному батальону производился торжественный смотр.

Библиотека находилась в скудном состоянии. Музей и кабинеты были бедны вспомогательными пособиями. Необходимые для медицинского факультета клиники отсутствовали.

Когда в 1803 г. попечителем университета стал М. Н. Муравьев, он запросил всех профессоров об имеющихся недочетах. От медицинского факультета он получил отзыв «о совершенном недостатке или обветшалости хирургических и анатомических орудий, которые были

выписаны еще в 1766 г. и с тех пор сделались вовсе неупотребительными».

Преподавание медицины в то время стояло на очень низком уровне и находилось по преимуществу в руках иностранцев. Лекции часто читались на латинском языке и не всегда были понятны слушателям. Практических занятий почти не было. Многие профессора преподавали по нескольку предметов, притом чрезвычайно разнообразных. Так, например, Скиадан читал историю медицины, физиологию, патологию с общей терапией, диэтетику, врачебное веществословие, а кроме того, на юридическом факультете—естественное и народное право.

Конечно, при такой постановке дела занятия в университете не могли увлекать студентов. Тем не менее Мудров целиком отдался науке и блестяще сдавал экзамен за экзаменом, получив за время пребывания на медицинском факультете две золотые медали—за лучшее сочинение, написанное им на заданную тему, и за «примерно-похвальное поведение».

Проф. Л. А. Цветаев, товарищ Мудрова по университету, рассказывал о Мудрове, что он с такой горячностью и прилежанием занимался медицинскими науками, что отказывал себе даже в самых невинных развлечениях и удовольствиях. «Я пришел в университет в одно время с Мудровым и довольно дружески сблизился с ним; и вот как-то раз, по окончании лекций, я вздумал было пригласить его к себе в дом, к родителю моему, отобедать, но Мудров отвечал мне на это так: „Извините, я пришел сюда учиться, а не веселиться; побывав у вас, я должен бывать и у других приятелей, их же много, то много же придется даром тратить и золотого времени“».

В конце девяностых годов у профессора истории и красноречия Х. А. Чеботарева заболела оспой дочь. Лечивший ее Ф. Г. Политковский для ухода за ней рекомендовал молодого Мудрова. Уход был нелегкий, так как

болезнь протекала крайне тяжело и для лечения требовалось, между прочим, «каждую оспину открывать ланцетом и гноевидную жидкость снимать намоченной в парном молоке губкой». Мудров успешно выполнил эту тяжелую задачу, снискал благодарность семьи и после того стал в ней своим человеком. «Ты хлопотал о девочке больной, как лучший друг наш, как родной брат ей, так будь же ей, теперь твоими же попечениями исцеленной, женихом, а мне родным сыном»,—сказал Мудрову обрадованный отец. Впоследствии Мудров женился на дочери Чеботарева — Софье Харитоновне, своей бывшей пациентке.

Будучи студентом, Мудров обратил на себя внимание профессора медицины Ф. Г. Политковского и профессора эстетики и древней словесности П. А. Сохацкого, которые открыли ему доступ в свои библиотеки. В их кругу он особенно сблизился с одним из ревностных членов московского масонского кружка, группировавшегося вокруг Н. И. Новикова, И. Г. Шварца и И. В. Лопухина,— с И. П. Тургеневым.

Основные идеи масонства о человеческом достоинстве, об общем равенстве людей, о всемирном братстве вполне отвечали убеждениям Мудрова, воспитанного в духе «новых идей».

Мудров долго находился под влиянием И. П. Тургенева, сыновья которого Андрей, Александр (археограф), Николай (будущий декабрист) и Сергей быстро сдружились с молодым незаурядным студентом.

Дом И. П. Тургенева в то время был одним из культурных центров Москвы. Здесь можно было встретить Н. М. Карамзина, поэта-сановника И. И. Дмитриева, начинающих поэтов В. А. Жуковского, А. Ф. Мерзлякова, дядю А. С. Пушкина—Василия Львовича, автора «Опасного соседа». Здесь бывали известные ученые и актеры.

Под влиянием братьев Тургеневых, В. А. Жуковского и А. Ф. Мерзлякова Мудров стал серьезно интересоваться отечественной и западной литературой.

Андрей и Сергей Тургеневы умерли рано. С Александром и Николаем Мудров сохранил глубокую дружбу, длившуюся до самой смерти.

Блестяще окончив университет со степенью кандидата, М. Я. Мудров в 1801 г. получил заграничную командировку для усовершенствования в науках. В Петербурге он посетил, благодаря рекомендательному письму Х. А. Чеботарева, конференц-секретаря Академии художеств А. Ф. Лабзина.

Близкий к Н. И. Новикову и И. Г. Шварцу, мартинист, т. е. последователь одного из масонских течений XVIII века, Лабзин был человеком большого ума и разностороннего образования. Он радушно принял молодого врача.

Под влиянием масонов Новикова, Чеботарева, Политковского, Сохацкого и Лабзина Мудров впоследствии, в 1802 г., будучи в Риге, был посвящен в масоны бывшим адъютантом фельдмаршала Н. В. Репнина Гюне.

Масонские ложи, официально разрешенные Александром I в 1810 г., были затем им же закрыты в 1823 г. Тогда же от всех чиновников были отобраны подписки в том, что ни к каким тайным обществам они более принадлежать не будут. М. Я. Мудров как масон также дал такую подписку. Она опубликована в «Русском архиве» за 1901 г.

В связи со смертью императора Павла I командировки за границу временно были прекращены. Мудров задержался в Петербурге. По его просьбе он был прикомандирован к Морскому госпиталю в качестве ординатора.

Проведенные им здесь 1½ года имели для начинающего врача огромное значение.

И. П. Тургенев

Будучи ординатором госпиталя, он с жадностью слушал в Медико-хирургической академии лекции известных в те годы профессоров Загорского, Буша и др.

В стенах Морского госпиталя он впервые столкнулся лицом к лицу с практической медициной того времени, в частности, с клиникой цынги, которая имела чрезвычайное распространение на флоте и в армии. Мудров убедился на опыте, как велика была в то время разница между университетской теорией и повседневной врачебной практикой.

Только в середине 1802 г. ему удалось, наконец, отправиться за границу.

Хотя Мудров получил командировку для изучения хирургии,—он изучал не только хирургию, но и терапию, акушерство, глазные, инфекционные и другие болезни. В Берлине он избрал для занятий клинику Гуфеланда, «эту истинную красу и гордость Берлинского медицинского факультета». Гуфеланд, по выражению Пагеля, «как маятник колебался между разными системами», но не примыкал ни к одной из них, оставаясь убежденным последователем Гиппократа.

Мудров занимался также в Бамберге, Геттингене, Вене и последние 4 года в Париже, где изучал медицину у Порталя, Пинеля, Бойе и др. Во Франции он вместе с другими командированными русскими врачами—Двигубским и Воиновым—был принят в Академию и ученые общества Парижа.

Посетив ряд городов Европы, Мудров ознакомился решительно со всем, с чем только приходилось ему встречаться. «Проезжать университеты, академии и человеколюбивые заведения, не употребив на оные ни внимания, ни времени, ни денег, есть уподобиться кучеру, видевшему большой свет на козлах... Лучше не иметь славы путешественника, чем пробегать города, как пудель»,—писал он из-за границы друзьям.

Он осмотрел не только лучшие клиники и больницы Германии, Австрии и Франции, но с не меньшей любознательностью изучал также постановку дела в повивальных институтах, приютах для подкидышей, для глухонемых и слепых, в благотворительных организациях, рабочих и ночлежных домах и других подобных учреждениях.

Он знакомился с санитарной техникой, только начинавшей развиваться в Европе, с организацией врачебных обществ, с медицинскими музеями, с приготовлением искусственных минеральных вод и т. д.

По приезде на родину Матвей Яковлевич использовал полученные им за границей знания в своей многообразной практической деятельности.

* * *

Эпоха, к которой относится жизнь и деятельность профессора Мудрова, насыщена борьбой различных научных школ, сыгравших огромную роль в развитии медицинских доктрин. В конце XVIII века распространилась теория Броуна (1738—1788) о возбуждении и возбудимости, нанесшая первый удар господствовавшей гуморальной системе, а в начале XIX века учение Бруссэ (1772—1838) о преобладающей роли воспаления и локализации его в отдельных органах положило начало совершенно новому анатомопатологическому направлению в медицине. Значительный исторический интерес представляет предисловие Д. Левитского, написанное им в 1811 г. к русскому переводу «Системы» Гуфеланда и ярко рисующее тот хаос, который царил тогда в теоретической медицине: «Чье перо изобразить может то состояние, в котором столько веков находилась страждующая натура человеческая, бывши в руках разных обрабатывателей врачебных теорий. В продолжение всех эпох, в которых врачебное искусство на пути своем к совершенству испы-

тало различные превращения, с какой стороны ни старались подходить к нему врачи! Иногда они безусловно повиновались велениям натуры..., а иногда сами ей предписывали законы, заставляли ее действовать по своему желанию...» Но «...появились декарты, ньютоны, лейбницы—и медицина превратилась в науку о гидравлике; но при всех своих алгебраических формах, диференциальных и интегральных счетах принуждена после прибегнуть к благодетельному опыту и признать свое унизительное quantum est quod nescimus. Конечно, бессмертный Бургав, повинуясь гласу своего диктатора—опыту, проложил ей ближайший и надежнейший путь к совершенству; но двадцать его острот, существующих или могущих существовать в теле человеческом, особенно не понравились Штолю, который сам, следуя религиозной своей патологии, дело имел только с душою. Далее Штоль всю медицину перенес в желудок, почитая его источником всех болезней, а Кемпф всю силу своего могущества обратил на завалы и выгонял неприятелей здравия тысячью клистиров. Тут появились флогистон, магнетизм, гальванизм, оксиген—и все перехвачены были в медицину... После недавней революции, которую сделал Броун в медицине, две начали владычествовать главные партии, т. е. динамистов и гумористов. Одни, пленяясь простотою и легкостью нового шотландского учения, удачно воспользовались положениями Броуна и на оных утвердили блистательную ныне теорию возбуждения; другие же, напротив того, коим не нравилась ни стения, ни астения, спокойно продолжали путь по следам своих предшественников».

Нужно сказать, что немецкие ученые в эту эпоху не имели такого большого влияния на развитие патологии, как французские исследователи и врачи. Когда во Франции Биша (1771—1802) уже издал свои бессмертные «Физиологические исследования о жизни и смерти» (1801),

а научные опыты Бруссэ потрясали дряхлое здание прежней примитивной патологии, когда Лэйнек и его последователи на основах патологической анатомии в корне преобразовывали науку о болезни и клиническая патология во Франции с каждым днем обогащалась все новыми и новыми открытиями,—в это время в Германии все еще говорили о положительном и отрицательном жизненном полюсе, об идеальном и реальном началах и о тождестве их, о болезни как идеальном организме, об идентичности мировых сил магнетизма, электричества и химизма с раздражительностью, чувствительностью и производительностью животного тела. Обо всем этом германские натурфилософы рассуждали a priori с удивительной самонадеянностью, будучи твердо убеждены в безошибочности своих схоластических представлений, и с пренебрежением относились к данным, приобретенным путем наблюдения и опыта.

* * *

Можно было опасаться, что М. Я. Мудров увлечется за границей всеми этими отвлеченными теориями, например, той же натурфилософией, которая тогда так сильно увлекала не только молодые умы, но и некоторых наших ученых, например, Д. М. Велланского. Мудров, однако, отнесся к этим учениям критически.

«Ослепившись блеском высокопарных умствований, рожденных в недрах идеальной философии, молодые врачи,—писал он Муравьеву,—ищут ныне причины болезней в строении вселенной и не хотят сойти с эмпирических высот безвещественного мира, не видят того, что под их глазами и что подвержено прямому здравому смыслу. Так и в патологии—вместо того, чтобы из повреждения строений объяснить болезнь, что не совсем легко, им кажется удобно искать умственных причин, отвлеченных от материи формы».

Стремясь ознакомиться с различными учениями и теориями, он, между прочим, отправился в Лансгут, в «университет, любящий новости». Но и здесь красноречивые профессора, увлекавшие слушателей своими отвлеченными рассуждениями, вызвали к себе с его стороны самое отрицательное отношение. «В Лансгуте,—писал он,— врачи сделались богословами, богословы—философами... Упившись от молодого вина мудрований, они воображают, что свет кружится вокруг них, нимало не подозревая кружения их голов».

С еще большей неприязнью он отнесся к знаменитому Решлаубу, который, по его словам, был «ревностным защитником всех систем, минувших, как метеоры, и не нашел места стать на правоте в человеческих познаниях, вздумал основывать медицину на первых главах Бытия, на евангелии Иоанна Богослова и писаниях святого Августина».

Наиболее значительное влияние оказал на Мудрова в Германии Гуфеланд, отличавшийся практическим складом ума и эклектическим отношением к медицинским теориям.

Гуфеланд под влиянием системы Броуна написал первый том своей «Системы практической врачебной науки». В том же духе он читал и лекции в университете. Однако в лечебной работе, в клинике, он руководствовался лишь одним врачебным опытом, но отнюдь не теориями, которые проповедывались им с кафедры. Мудров не вытерпел и спросил однажды у знаменитого профессора: «Почему вы на лекциях говорите одно, а при больных действуете совершенно иначе?». Гуфеланд ответил: «В больнице я обязан поступать, как велит мне совесть, а на кафедре я принужден говорить то, чего все требуют. Если бы я стал говорить по совести, то никто не захотел бы меня слушать, и моя аудитория опустела бы».

Справедливость этих слов подтвердилась на глазах Мудрова в Бамберге, в клинике профессора Решлауба,

самого горячего последователя системы Броуна. У него аудитория всегда была переполнена слушателями, в числе которых находились даже почтеннейшие профессора других университетов. В клинике же Решлауба, весьма опрятной и даже нарядной, Мудров не видал ни одного больного: жители Бамберга и его окрестностей боялись этой клиники и применявшегося в ней лечения. Народная молва распространяла слухи, что больные, «какими бы легкими недугами ни были одержимы, в этой клинике почти всегда разнемогались отчаянно и умирали, потому что Решлауб при постелях больных действовал так же, как говорил на кафедре».

«Система практической врачебной науки» Гуфеланда заключала в себе физиологию, патологию, диэтетику, materiam medicam, семиотику, всеобщую терапию и особенную терапию. Все эти отделы были проникнуты одним основным принципом, вытекавшим из системы Броуна. Броун различал, во-первых, возбуждаемость как основное свойство живого организма и, во-вторых, раздражающие его силы, или возбуждения. Нарушение их взаимодействия вызывает предрасположение к болезни, а затем и болезнь.

«Вся жизнь, каждая степень здравия и болезни основываются на раздражении, а не на какой другой причине. Возбуждаемость может скопляться и истощаться под влиянием уменьшения или увеличения раздражения; истощение от избытка возбуждения есть ложная слабость, а чрезмерное скопление возбуждаемости вследствие недостатка раздражения вызывает истинную слабость. Мозг и мышцы суть те органы, в которых имеет свое пребывание возбуждаемость. Болезни бывают стенические, которые происходят от излишества возбуждения, и астенические, развивающиеся от чрезмерной возбуждаемости».

Броун советовал изгнать нозологию из врачебной науки,

Очень своеобразна и терапия Броуна, в которой все лекарства разделены на два класса, действующие либо увеличивая, либо уменьшая раздражение и этим приводя организм в состояние равновесия. С этой точки зрения специфических лекарств быть не может. Броун отрицал даже специфичность ртути по отношению к сифилису. Главным медикаментом у его являлся опий в качестве возбуждающего средства, назначавшегося в очень больших дозах.

Идеи Броуна комбинировались у Гуфеланда с гуморальным учением Бургава, причем возбуждаемость играла роль «жизненной силы». Гуфеланд считал, что «возбуждаемость определяет материю, а материя—возбуждаемость, и сей вечный круг, сие взаимное друг друга определяющее действие, или одним словом—организм, является главной причиной всех явлений и главным предметом, на который должен действовать врач».

В первом томе труда Гуфеланда находится изложение целительных сил природы. Средства, которые используются организмом для самоизлечения, «суть отделения, критические извержения, воспаление».

Кроме Гуфеланда, М. Я. Мудров слушал и других знаменитостей того времени, придерживавшихся преимущественно рационального направления. В Вене он посещал лекции и клинику знаменитого Беера, который понравился ему тем, что «поступал против всех ученых затеев, следуя простоте натуры».

М. Я. Мудров за несколько лет пребывания за границей разобрался в различных распространенных тогда системах, про которые можно было сказать, что они «тиранили головы врачей, а врачи тиранили ими своих больных».

Матвей Яковлевич, обладая ясным умом, не склонным к необоснованным увлечениям, не сделался безраздельным сторонником ни одной из прошедших перед

ним медицинских школ и теорий. От каждой из них он брал лишь те объективные и рациональные начала, которые не противоречили ему как человеку самостоятельного реального и практического направления мысли.

Исключительная работоспособность и постоянное стремление к творческому труду не покинули его и за границей.

В 1804 г. он прислал в Московский университет свою диссертацию под названием «De spontanea placentae solutione («О самопроизвольном отхождении плаценты»), за которую медицинский факультет удостоил его ученой степени доктора медицины и звания экстраординарного профессора.

Мудров всю жизнь чувствовал влечение и любовь к педагогической деятельности. Он был прекрасным оратором и талантливым, требовательным к себе педагогом.

Незадолго до возвращения в Москву, в 1807 г., он, взволнованный размышлениями о предстоящем занятии профессорской кафедры, изложил в письме к Муравьеву свои взгляды на педагогическую работу:

«Чем же могу я блеснуть при начале моего служения в университете?—писал он.—Велеречием?—Обыкновенное прибежище белоручек. Сочинениями?—Нет пользы в собранных правилах без собственной опытности в искусстве, которое есть результат долговременных опытов, наблюдений и работ. Удачею в городской практике?—Верное средство быть полезным себе, а не учащимся.

Препаратами анатомическими, клиникою в госпитале, препаратами патологическими, упражнениями в операциях ручных, перевязочных, инструментальных. Вот предметы, с коих я начинать должен. Но, не имея ничего готового, я должен положить начало самим начинаниям. И я робею, смотря на сие поле трудов, для коих я недовлителен».

ГЛАВА ВТОРАЯ

В 1807 г., на обратном пути в Москву, М. Я. Мудров остановился в Вильно, где в течение года занимался лечением свирепствовавшей там дизентерии. Чтобы ознакомиться с болезнью, М. Я. Мудров произвел несколько вскрытий. Затем он стал лечить своих больных по особому способу, резко отличавшемуся от применявшихся другими. По свидетельству современников, смертность в его отделении уменьшилась, а вскоре и совсем прекратилась.

Его способ был перенесен в другие отделения виленского госпиталя и всюду дал прекрасные результаты.

В Вильно Матвей Яковлевич подробно ознакомился и с некоторыми другими заразными заболеваниями и проверил на громадном материале свои теоретические познания. Тогда же им было издано на французском языке сочинение по военно-полевой хирургии: «Principes de la pathologie militaire, concernant la guérison des plaies d'armes à feu et l'amputation des membres sur le champ de bataille ou à la suite de traitement developpés auprès des lits des blessés (Vilno, 1808) (Принципы военной патологии, касающиеся излечения огнестрельных ранений и ампутации конечностей на поле сражения или о последствиях лечения, развертываемого у постелей раненых. (Вильно, 1808). Это было первое военно-хирургическое руководство, написанное русским врачом.

Несмотря на обширные познания по хирургии, Мудров в период пребывания в Вильно окончательно решил посвятить себя внутренней медицине.

В июне 1808 г. Матвей Яковлевич вернулся в Москву и приступил к чтению в университете военной гигиены— предмета, только что введенного по его предложению в курс медицинского факультета. Он имел в виду требования войны, сознавая, как и все близко стоявшие к политической жизни Европы, что война с Наполеоном должна возобновиться.

На кафедру Матвей Яковлевич вступил с уже вполне сложившимися взглядами, с критическим отношением к каким бы то ни было авторитетам.

Среди его учеников находился будущий родоначальник русской хирургии Н. И. Пирогов. Великий хирург в своих воспоминаниях писал впоследствии, что Мудров в начале профессорской деятельности был броунистом.

Однако если Мудров и отдавал некоторую, может быть, даже значительную дань броунизму, его все же никак нельзя было назвать слепым его последователем, как многих врачей того времени. Напротив, он весьма критически относился к учению Броуна, а затем и совсем его оставил. Он прокладывал новый, самостоятельный путь развития русской клинической медицины, явившийся синтезом многих западноевропейских систем и его собственных научных исканий.

Уже в начале профессорской деятельности он выработал самостоятельное направление, но все-таки в изложении курса во многом придерживался сначала руководства Туртеля, позже Петра и Иосифа Франков, а затем Бруссэ.

Чтобы привлечь внимание не только студентов и врачей, но и всего общества к делу улучшения санитарного состояния армии и к помощи жертвам войны, Мудров в 1809 г., по предложению факультета, произнес на торжественном университетском собрании обширную речь «О пользе

СЛОВО

О пользѣ и предметахъ военной Гигіены, или науки сохранять здравіе военнослужащихъ,

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

Іюля 3 дня 1809 года,

произнесенное

Медицины Докторомъ, Общей Терапіи, и Военной Медицины Профессоромъ Пуб. Е. О. Университетской для Питомцевъ Больницы и Клиническаго Института Врачемъ, Обществъ ИМПЕРАТОРСКАГО Испытателей Натуры и Медико-Физическаго Ординарнымъ Членомъ, Виленскаго Врачебнаго и Геттингенскаго Акушерскаго Сочленомъ, Парижскихъ Академіи Врачебной и Обществъ Академическаго Наукъ и Искусствъ и Гальваническаго Корреспондентомъ

Матвѣемъ Мудровымъ

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи.

и предметах военной гигиены, или науки сохранять здоровье военнослужащих».

В этой речи он указывал на всю важность предупреждения болезней у солдат и приводил при этом ряд необходимых гигиенических и санитарных мероприятий.

Особое внимание он уделял физическим упражнениям, питанию, обмундированию, устройству казарм и душевному настроению солдат. Кроме того, Мудров в своей речи развернул программу борьбы с алкоголизмом и венерическими заболеваниями в войсках. Коснувшись гигиены военного времени, он разграничил значение различных театров как сухопутной, так и морской войны, учитывая их географические и тактико-стратегические особенности. Впервые в России университетское собрание услышало от него требования обучить солдат оказанию само- и взаимопомощи в бою. Если прибавить к этому перечень способов обеззараживания госпитальных помещений и белья, то развернутая Мудровым картина войсковой гигиены и профилактики станет вполне современной.

Разработка вопросов гигиены в России стояла тогда на исключительно низком уровне (кафедр гигиены не было, отсутствовали также и руководства по ней), и если учесть при этом беспрерывность тогдашних войн, то можно представить, насколько велики были заслуги М. Я. Мудрова, впервые привлекшего внимание русского общества к этим вопросам. Он первый у нас стал читать курс военной гигиены и первый составил по этому предмету самостоятельное русское руководство с учетом особенностей русской армии эпохи Александра I.

Как ценило русское общество эту заслугу М. Я. Мудрова и какое впечатление произвела его речь, видно из следующих слов проф. С. П. Шевырева: «Конечно, нельзя было выбрать предмета полезнее, живее, любопытнее, сообразнее событиям времени, которые шли навстречу грозному и славному 1812 году. Наука в лице Му-

дрова подавала свой живой, одушевленный советовательный голос в деле великого приготовления военных сил на защиту отечества. Слово врача проникнуто самой теплой любовью к родине и к ее воинам и одарено полным знанием дела, для которого ученый прочел все книги, касавшиеся того же предмета, обозрел в России и за границей и изучал на опыте все военные госпитали, всю жизнь солдата, особенно русского».

Помимо курса военной гигиены, Матвей Яковлевич читал на медицинском факультете «терапию болезней, в лагерях и госпиталях наиболее бывающих», и показывал студентам «делоручие (хирургию) повреждений, на поле бранном наносимых». Студентов, готовивших себя в армейские хирурги, он учил не только теоретически, но и практически перевязкам и неотложным операциям. Он обучал их также управлению госпиталями и элементам военно-санитарной тактики.

В то время в военной хирургии главное внимание обращалось на технику ампутаций. М. Я. Мудров говорил по этому поводу: «Ампутации—молчащие упреки нашему невежеству; где не действует химия животной экономии, там мы употребляем огонь и железо. Операции будут совершаться тем реже к утешению человечества, чем пристальнее мы будем исследовать ход раздражения натуры».

В 1809 г. вышел в отставку профессор патологии и терапии и директор клинического института при Московском университете Ф. Г. Политковский. На его место был избран ординарным профессором М. Я. Мудров, создавший себе к этому времени крупное научное имя.

С момента занятия кафедры терапии и патологии началась особенно кипучая деятельность Матвея Яковлевича, продолжавшаяся непрерывно более 20 лет.

«К 1812 г.,—говорит профессор Любавский,—Мудров уже был первым медицинским светилом в Москве».

* * *

«В 1812 году,—читаем мы в «Указателе истории Московского университета» (изд. 1826 г.),—сей рассадник наук вместе с древнею столицею потерпел разорение от неприятеля: пожар истребил все его здания, кроме одного больничного корпуса». При этом погибла значительная часть университетской библиотеки.

31 августа за два дня до вступления Наполеона в Москву профессора университета во главе с ректором Геймом, захватив наиболее ценные предметы из музея и книги из библиотеки, эвакуировались в Нижний-Новгород.

«Тогда же,—говорится далее в Указателе,—многие из питомцев университетских, одушевляясь любовью своей к отечеству, одни вступили в московское ополчение, другие, медицинского отделения, отправились на Бородинское поле на помощь раненым; в том числе были почетные профессора Реннер и Грузинов, пожертвовавшие и жизнью своей».

Врачи и студенты-медики в эту войну были одушевлены теми же стремлениями, какими было проникнуто все русское общество, и проявляли полную готовность к самопожертвованию; молодежь рвалась на войну.

Врачам на войне предстояла трудная работа. Их было очень мало: на миллионную армию—всего 500 врачей; между тем кровопролитные сражения и тяжелые условия войны влекли за собой множество жертв. Несмотря на эти чрезвычайно тяжелые условия и слабую организацию военно-врачебного дела, врачи оказались на высоте своего призвания. Об их деятельности давали благоприятные отзывы главнокомандующие нашими армиями; хорошо отзывались и иностранцы; после войны был издан манифест Александра I, в котором подчеркивалась самоотверженная и полезная деятельность врачебного персонала.

М. Я. Мудров, обращаясь в 1813 г. с приветом к врачам, воспитанникам Московского университета, говорил: «Вашими подвигами, вашим рвением, вашим беспорочным поведением вы превзошли наши надежды, венчали честью место образования и покрыли его славой и доблестями».

Отечественная война послужила для русских врачей первым экзаменом в широком масштабе как перед русским обществом, так и перед лицом Западной Европы, и они с честью выдержали его.

Имя Мудрова и уважение к нему распространились далеко за пределы Москвы.

В Нижнем-Новгороде Матвей Яковлевич вместе со студентом медицинского факультета А. Е. Эвениусом «подавали помощь страждущим» в местной больнице. Эта работа продолжалась около года, до последнего дня пребывания их в эвакуации.

Трудно представить тот громадный ущерб для русской науки и, в частности, для медицины, который нанесло нашествие Наполеона. Старейший рассадник науки, Московский университет, вынужден был закрыться, а затем сильно пострадал от неприятеля. «Когда неистовый враг наш внес с собой в сердце России оружие и пламя, замолкли науки и искусства в нашем святилище; огонь пожирал наши учебные заведения, блистательные кабинеты, богатые библиотеки и хранилища ученых обществ»,—писал М. Я. Мудров.

Но при всей массе зла, причиненного французами русской культуре и науке, в частности, медицине, война 1812 г., по мнению М. Я. Мудрова, имела одним из благоприятных последствий популяризацию научных, особенно медицинских, знаний в провинции. «Казалось, что с пожаром университета и его заведений сгорели и самые науки и разрушились памятники учености. Но нет! Науки пошли с нами странствовать по всей России. Иные из нас поселились в городах, другие в селах; все трудились днем

и ночью, углублялись в таинства природы; все и всюду распространяли свет, просвещение и утешение»,—писал М. Я. Мудров.

По возвращении в 1813 г. в опустошенную и сожженную Москву университет на первых порах начал работать в наемном здании на углу Газетного переулка, против Никитского монастыря. М. Я. Мудров с величайшей энергией принялся за восстановление медицинского факультета.

Библиотеки Чеботарева и Мудрова перед нашествием Наполеона были вывезены в Ярополец, имение московского генерал-губернатора З. Г. Чернышева, масона, екатерининского вельможи, участника Семилетней войны.

По приезде из Нижнего-Новгорода Мудров и Чеботарев отдали Московскому университету, оставшемуся почти без книг и учебных пособий, свои сохранившиеся библиотеки, присоединив к ним и библиотеку З. Г. Чернышева.

Только в 1819 г. Джилярди закончил восстановление основного здания университета на Моховой, и А. Ф. Мерзляков «вдохновенными стихами воспел наружное обновление сего храма науки».

По-новому зажил медицинский факультет, деканом которого был избран неутомимый М. Я. Мудров. Руководимый им, одним из образованнейших профессоров своего времени, факультет вступил в период своего расцвета.

Здание анатомического театра было отстроено первым на средства, предназначенные клиническим институтам.

Сохранилось интересное описание торжественного освящения медицинского факультета, происходившего 13 октября 1813 года.

В этом описании М. Я. Мудров рассказывает:

«Врачебное отделение Императорского Московского университета, состоявшее из трех клинических институтов,

университетской больницы и анатомического театра, после разорения и опустошения только тринадцать месяцев оставалось в бездействии. Оно потерпело великие потери от нашествия неприятеля как в сочленах своих, так и в учащихся, из коих последние все добровольно поступили в армию и с честью выполняли их предназначение.

Анатомический корпус, а вместе с ним и все анатомические и патологоанатомические препараты сгорели, а клинические институты—внутренний, хирургический и повивальный—и университетская больница, стоящие на месте церкви Дионисия Ареопагита, чудесно спаслись от пламени, с обеих сторон пожиравшего университетские здания, и ныне сделались гостиницами для разоренных профессоров. Оставленные здесь больничные вещи, медицинские книги, инструменты хирургические и повивальные по большей части разграблены и изломаны, лишь драгоценнейшие из них увезены были в Нижний-Новгород».

Только в 1819 г., по инициативе Мудрова, при университете были восстановлены институты медицинский на 100 учащихся и клинический с больницей на 50 кроватей.

Какое значение придавал М. Я. Мудров клиническому преподаванию, видно из следующих его высказываний.

«Клинический институт при медицинском факультете есть закон образования и средство усовершенствования молодых врачей».

Как известно, впервые институт был основан в 1805 г. и рассчитан лишь на 12 коек и 50 обучающихся студентов.

В газете «Московские ученые ведомости» от 18 марта 1805 г. напечатано:

«Как для практического наставления во врачебной науке, так и для общей пользы страждущим тяжкими и продолжительными болезнями в Императорском Московском университете открыто уже первое отделение клинического института, в котором на иждивении университета, под смотрением опытного оператора г-на директора

ОПИСАНІЕ

ТОРЖЕСТВЕННАГО ОБНОВЛЕНІЯ

И ОСВЯЩЕНІЯ

МЕДИЦИНСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ

УНИВЕРСИТЕТѢ,

совершившагося

Октября 15го дня 1813 года,

изданное

деканомъ врачебнаго отдѣленія

Матѳіемъ Мудровымъ.

МОСКВА, 1814.
Въ Университетской Типографіи.

и профессора Гильдебрандта, безо всякой платы пользуемы бывают больные глазами и даже потерявшие зрение».

Мудров составил проект расширения и реорганизации института и передал свои сметы попечителю Московского учебного округа князю А. П. Оболенскому.

Настойчивость, с какой Матвей Яковлевич добивался осуществления своего проекта, вызывала удивление современников.

17 января 1819 года Оболенский обратился к министру духовных дел и народного просвещения князю А. И. Голицыну с представлением, в котором писал:

«В 1812 году дом, для институтов определенный, от пожара спасся; но нужные вещи все разграблены неприятелем, и он с того времени служил убежищем беднейшим профессорам, а институты восстановлены не были. Принимая в уважение, что университет, обращенный в пепел, возник в превосходнейшем виде», Оболенский ходатайствовал далее «об утверждении проекта, основанного на предстоявшей нужде во врачах, о заведении при университете медицинского и клинического институтов, о пристройке к назначенному для них корпусу третьей части и об отделке находящегося рядом с ним по Никитской улице трехэтажного обгорелого дома» (принадлежавшего Мосолову).

19 апреля 1819 года на имя министра народного просвещения последовал высочайший рескрипт об утверждении при университете клинического института.

Директором Клинического института при Московском университете был утвержден М. Я. Мудров.

Институт имел анатомический театр и учебные больницы: клиническую, хирургическую и акушерскую.

Университетская учебная больница была устроена на 50 человек, из которых 20 находились на штатном содержании, 20 на университетском и 10 на собственном.

В состав этой больницы входили следующие лечебные заведения: 1) Клинический институт для внутренних болезней на 32 человека (под ведением проф. М. Я. Мудрова), 2) Хирургический институт на 12 человек (под ведением проф. Ф. А. Гильдебрандта и адъюнкта Альфонского), 3) Акушерский институт на 6 родильниц, «а по нужде могут поместиться и более, ибо всех кроватей находится 12» (под ведением проф. Ризенко и адъюнкта Рихтера). Больные, лежавшие в институтах, служили для студентов «предметом показания и исследования на одре болезни и смерти» (demonstrationes clinicae et sectiones anatomicopathologicae).

Сохранилось следующее описание расположения палат в Клиническом институте, относящееся к 1820 году: «Две кровати женские на штатном содержании полагаются на случай крайне бедных женщин и с неизлечимыми болезнями, коих в городских больницах не принимают, яко неизлечимых, а в домах не держат от вони. Если случится много разнородных болезней острых, хронических, трудных, вонючих, прилипчивых и если больные будут лежать по фамилиям болезней, то Клинический институт примет следующее устройство: 1) палата для горячек, лихорадок и воспалений; 2) комната для горячек нервических; 3) палата для сыпей острых, как-то: кори, оспы и пр., и для сыпей холодных, как-то: лишаев, чесотки, болезней венерических и пр.; 4) палата для течений, например, поносов; для остановок, например, водяных болезней, чахоток, скорбута и пр.; 5) палата для болезней нервных и помешательств ума».

Профессора института читали лекции в общей аудитории, построенной амфитеатром. Аудитория одновременно служила и операционным залом для хирургов, здесь же происходил амбулаторный прием приходящих больных, начинавшийся после лекций и операций. Профессора принимали больных в присутствии и при участии студен-

тов, которые производили малые операции, выписывали рецепты, собирали анамнез и т. д.

Занятия в институте носили по преимуществу практический характер. Медицинских книг после 1812 года осталось немного, а те, которые издавались вновь, были чрезмерно дороги. Университет ежегодно выплачивал всем студентам по 40 рублей ассигнациями на покупку учебников и запрещал продавать их при переходе с курса на курс.

Правительственной медицинской печати в 20-х годах в России не было. Профессора издавали свои труды или за счет университета, или, чаще, на собственные средства. Довольно много монографий выпустили Мухин, Загорский, Уден.

М. Я. Мудров также отличался большой склонностью к литературной работе, но литературное наследство, оставшееся после него, невелико. Выше всего он ставил педагогическую работу в институте. Врачебная практика, преподавание и административные обязанности отнимали у него очень много времени. Кроме того, он считал себя вправе опубликовывать в печати только лишь то, что подверглось им строгой проверке на опыте.

После поражения Наполеона, особенно в русском обществе, началась борьба против господства иностранцев как в государственной жизни, так и в науке. Эта борьба не прошла мимо Московского университета. Среди профессоров появилось много противников немецкого засилья на большинстве университетских кафедр.

Мудров, принадлежа к числу горячих и убежденных патриотов, относился к немногим профессорам того времени, которые, соединяя с европейской образованностью ярко выраженные национальные черты, планомерно переносили на русскую почву новейшие достижения западной науки, сочетая их с достижениями отечественных ученых.

На собственном примере он показал, что русские способны самостоятельно развивать медицинскую науку.

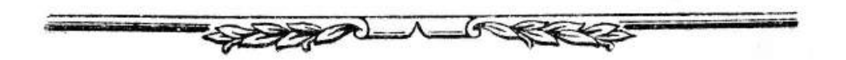
Если в начале XIX века у нас уже создавалась «национальная, чисто русская медицина», говорит Я. А. Чистович, то среди основоположников ее одно из первых мест должно быть отведено М. Я. Мудрову.

В отношениях к подчиненным врачам он всегда был корректен и никогда не разыгрывал «генерала от медицины», как некоторые его товарищи по кафедре. Никогда не кичился он своими познаниями и не обижался, если кто-либо из ординаторов открыто возражал ему. Напротив, он говорил: «На то мне и помощник нужен, чтобы подмечал то, чего я не подглядел, и поправлял мои ошибки. И на старуху бывает проруха». Если даже студент делал ему какое-либо указание, он внимательно выслушивал его, а если оно оказывалось уместным, благодарил: «Хорошо, душа, очень хорошо. Спасибо, что надоумил». Он учил не пренебрегать практическими указаниями даже сиделок и больничных сторожей.

«Умный врач, т. е. чувствующий малость своих познаний и опытов, никогда замечаний их не презрит, но паче воспользуется ими», часто говорил он.

Кроме преподавания в университете, с 1813 по 1817 год Мудров преподавал в московском отделении Медико-хирургической академии патологию, терапию и клинику. Пять раз его избирали в деканы медицинского факультета.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

УЖЕ в начале своей преподавательской деятельности Мудров проявил себя последователем Гиппократа и созданной им медицинской школы, «которая свои заключения выводит из наблюдений природы».

Со взглядами М. Я. Мудрова и его направлением как врача хорошо знакомит его «Слово о способе учить и учиться медицине практической, или деятельному врачебному искусству при постелях больных», сказанное им при торжественном открытии и освящении Клинического и Медицинского институтов в 1820 году.

В этой замечательной по содержанию своему речи, являвшейся как бы вступительной и программной клинической лекцией, Мудров учит слушателей методам исследования больных и излагает причины болезней.

Речь явилась как бы кратким курсом диференциальной диагностики и семиотики, не потерявшим своего практического интереса до настоящего времени.

Одна из основных клинических мыслей автора ярко выражена в следующих его словах:

«Поверьте же, что врачевание не состоит ни в лечении болезни, ни в лечении причин ее. Я вам скажу кратко и ясно: врачевание состоит в лечении самого больного. Вот вам и вся тайна моего искусства, каково оно и есть! Вот весь плод 25-летних трудов моих при постелях больных. Вот вам вся цель Клинического института».

Для того же, чтобы удачно выполнить эту задачу, надо, по его мнению, владеть медициной не только как наукой, но и как искусством. «Врачебная наука, терапия,— говорит он,—учит основательному лечению самой болезни, а врачебное искусство, практика или клиника учит лечить собственно самого больного. По теории и книгам почти все болезни исцеляются, а на практике и в больницах много больных умирает. Книжное лечение болезней легко, а деятельное трудно. Иное—наука, иное—искусство; иное—знать, иное—уметь».

В то время большинство врачей чрезмерно увлекалось всевозможными лекарственными средствами и сложнейшими смесями их; в каждом из средств они видели панацею от той или другой болезни, а М. Я. Мудров главное внимание обращал на правильную диагностику заболевания.

«Познание болезни есть половина лечения»,—говорил он. При определении состояния больного он советовал применять самое разностороннее исследование. Тогда еще не были введены в практику выслушивание и выстукивание больных и почти не применялись лабораторные и какие-либо другие объективные способы исследования.

Мудров неустанно подчеркивал огромное значение хорошо и вдумчиво собранного анамнеза, часто решающего диагностику. Кроме того, он терпеливо уделял много времени обстоятельному исследованию больного с ног до головы путем осмотра и ощупывания. При исследовании каждого больного он учитывал его сложение, физическое развитие и конституцию («соразмерность частей»), образ жизни, социальное положение и профессию, наследственность и предшествовавшие болезни.

«Чтобы узнать болезнь подробно, нужно врачу допросить больного: когда болезнь его посетила в первый раз, в каких частях тела показала первые ему утеснения, вдруг ли напала, как сильный неприятель, или приходила

яко тать в нощи; где она первее показала свое насилие: в крови ли, в чувствительных жилах, в орудиях пищеварения или в оболочках, одевающих тело снаружи, снутри, и пр., какие с того времени происходили перемены и какие употреблены врачевания, с пользой или вредом».

Исследование больного М. Я. Мудров учил производить так: «Должно исследовать настоящее положение болезни, в больном искать, где она избрала себе ложе; и для сего нужно врачу пробежать все части тела больного, начиная с головы до ног, а именно—первее всего надобно уловить наружный вид больного и положение его тела, а потом исследовать действия душевные, зависящие от мозга: состояние ума, тоску, сон; вглядеться в лицо его, глаза, лоб, щеки, рот и нос, на коих часто, как на картине, печатлеется и даже живописуется образ болезни. Надобно смотреть и осязать язык как вывеску желудка, спросить о позыве к пище и питью и к каким именно; внимать звуку голоса и силе ответов; видеть и слышать дыхание груди его и вычислить соразмерность биения сердца и жил с дыханием; применяться к разному звуку кашля грудного, желудочного, простудного, воспалительного. Надобно уметь осязать живот, все его внутренности и сопредельные ему части; исследовать состояние рук и ног, их силу и крепость, худобу и полноту и по оным судить о силах жизненных; обратить внимание на кожу, сухость ее и влажность, теплоту и холод, цвет и сыпи; видеть и исследовать все извержения, кровь, мокроту, желчь и пр. Из всех явлений, коих сотую только долю показал я здесь и кои ты увидишь, услышишь и осяжешь при постели больного, из всех сих явлений должен ты извлекать заключение о вещах сокровенных, коих наружные чувства не постигают, постигает же чувство внутреннее, т. е. разум, просвещенный наукою и опытностью».

Чтобы развить в себе умение разбираться даже в трудных случаях, он советовал, между прочим, «заняться усо-

вершенствованием наружных чувств, что приобретается не профессорским учением, но собственным упражнением при постелях больных... Сими чувствами делаются все наблюдения над больным и вне больного, а наблюдения суть подпоры для опытности, коим, яко бисером драгоценным, украшается суждение практическое—венец врача... Дабы приобресть такое суждение практическое и сохранить сие негиблющее богатство, должно иметь внимание, единственно устремленное на болезнь больного без поспешности; должно сообразить все явления, большие и малые; должно не только записывать их, но написать в своем месте, в связи, в порядке; надобно оставить предрассудки юности, позабыть у порога храмины болящего тонкости, более ученые, нежели умные, выдуманные для книжной торговли; следить болезнь просто, по учению Гиппократа, или, что все равно, по руководству натуры, облещись терпением в повторении тех же исследований; благоразумно отличать посторонние явления от существенных; но не все принимать за причину, когда случится перемена после вещи обыкновенной; не редких явлений искать, но искать точности».

После разностороннего исследования больного и выявления причин болезни он советовал записывать все полученные данные в историю болезни и притом каждое из них на своем месте, «дабы в описании твоем, как на некоем чертеже, одним взглядом по следам опустошений можно было видеть завоевание, сделанное болезнью... И только начертав план, по которому можно судить о внутреннем свойстве болезни, о наружном ее виде, об ее ходе, быстроте или медленности, о силе и нападениях ее, можно решать, какую с нею вести войну, наступательную или оборонительную, т. е. положительно или отрицательно действовать должно».

Так обстоятельно исследовал Мудров больных и учил этому, совершенно новому тогда методу исследования

своих многочисленных учеников. Он первый у нас разработал подробную схему клинического исследования больных, схему, в последующем послужившую основой для плана расспроса и объективного исследования больных, созданного Г. А. Захарьиным.

М. Я. Мудров без всякого преувеличения может быть назван отцом русской терапевтической школы, точно так же, как Н. И. Пирогов—основоположником нашей хирургии.

Мудров играл одну из руководящих ролей в той борьбе, которая велась в начале XIX века с постыдным у нас засильем иностранцев в русской науке. Он стремился освободить нашу медицину от господства выходцев из Германии и других европейских стран. Еще в начале XIX века немцы, устремившиеся из своего «фатерланда» в наши научные учреждения, всячески тормозили движение русских ученых и даже отрицали их способность к творческой научной работе.

Как патриот Мудров не мог спокойно выносить иностранный, главным образом немецкий гнет, тормозивший развитие русской медицины. Он упорно работал над собой и благодаря природному дарованию, вскоре как ученый и практический врач намного опередил всю плеяду чужеземных профессоров, доминировавших тогда в Московском университете.

* * *

В деле лечения больных так же, как и в вопросах диагностики заболеваний, Матвей Яковлевич следовал своему рациональному методу. Первое время он, повидимому, во многом придерживался точки зрения П. Франка, назначая порядок лечения по «натурам и диатезам». Но затем и в этой области пошел самостоятельным путем.

Он рассматривал несколько задач, стоящих перед врачом: «совершенное исцеление болезни излечимой», «облег-

чение болезни неизлечимой» и «предварение угрожающей болезни или сохранение здравия в его целости».

Занимаясь со студентами, он учил их присматриваться к природе и уподоблял больного кораблю, а врача — кормчему. «Следуя мановению природы, повелевающей и врачующей, врач, раб природы и слуга больного, делается, наконец, повелителем болезни».

Он всегда назначал лечение, строго сообразуясь с личными особенностями больного, и на лекциях особое внимание обращал на то, что нужно лечить больных, а не признаки болезни и даже не самые болезни.

«Вам же, друзья мои, я еще чаще и громче буду повторять одно и то же, что не должно лечить болезни по одному только ее имени. Не должно лечить и самой болезни, для которой часто мы и названия не находим. Не должно лечить и причин болезни, которые часто ни нам, ни больному, ни окружающим его неизвестны, ибо давно уже удалились от больного или не могут быть от него устранены, а должно лечить самого больного, его состав, его органы, его силы».

Какой бы способ лечения ни применял М. Я. Мудров, он всегда строго сообразовывался с особенностями данного случая и тщательно взвешивал все показания и противопоказания к избираемой терапии. Он охотно пользовался физическими способами лечения, особенно водолечением: «...трения, бани, ванны, простые или лекарственные, обмывания лица, рук, ног, всего тела водой, уксусом, вином, простым или виноградным, долго ли их применять, с какими предосторожностями простуды и чьими руками».

Не переоценивая роли лекарств, он приписывал громадное значение бытовой обстановке, окружавшей больного, и гигиеническим мерам воздействия на заболевший организм.

«Избранная диэта, полезное питие, чистый воздух, движение или покой с умеренностью, сон или бдение

в свое время, чистота постели, жесткость ее или мягкость, сено, солома, грива, перья или пух, простыня, одеяла, подушки, их перемена и пр.—все должно быть сообразно с внутренними лекарствами и наружными средствами».

М. Я. Мудров всегда заботился об удалении больного от «забот домашних и печалей житейских, кои сами по себе суть болезни». Придавая большое значение правильному образу жизни своих пациентов, он предписывал им как необходимое условие успешного лечения выполнение строгого, расписанного по часам режима.

На труд он смотрел не только как на нравственную обязанность каждого человека, но и как на основное условие для поддержания здоровья.

«Первый рецепт для здравия роду человеческому,— говорил он,—в поте лица твоего снеси хлеб свой». Состоятельным больным, проводившим время без работы, он часто давал совет взяться за труд, что отвечало его медицинским установкам и морально-философским взглядам.

Существенный терапевтический фактор он видел в психическом воздействии на больного. «Зная взаимные друг на друга действия души и тела, долгом почитаю заметить,—говорил он,—что есть и душевные лекарства, кои врачуют тело. Они почерпаются из науки мудрости, чаще из психологии. Сим искусством печального утешишь, сердитого умягчишь, нетерпеливого успокоишь, бешеного остановишь, дерзкого испугаешь, робкого сделаешь смелым, скрытного—откровенным, отчаянного—благонадежным. Сим искусством сообщается больным та твердость духа, которая побеждает телесные болезни, тоску, метание и которая самые болезни тогда покоряет воле больного... Восхищение, радость и уверенность больного тогда полезнее самого лекарства».

Так ясно представлял себе Мудров роль психического воздействия в терапии, значение которого врачи тогдаш-

ней эпохи мало ценили и понимали. В этом отношении Мудров опередил современников на целое столетие.

Касаясь причин болезней, Матвей Яковлевич говорил, что если приняться за перечисление их, то не будет и конца. На первое место среди них он ставил «страсти и похоти, искажающие самый чин естества, как-то: глад и объядение, пьянство и леность, дневной сон и полуночные пиршества». Далее он указал на «напряжение ума, легкое одеяние зимой, хлад полунощи, душевные возмущения (гнев и злоба), зависть, честолюбие, роскошь либо скупость, ревность и пр.». К причинам болезней, между прочим, им относились «поднебесные влияния, солнцестояния, изменения луны, испарения на суше и водах, нападения повальных болезней, времена года и непогода, заразы, любострастие».

Таким образом, в оценке этиологии заболеваний М. Я. Мудров, учитывая большое значение общественно-бытовых факторов, одновременно снижался до уровня суеверных представлений, свойственных его эпохе.

Классификация болезней, которой придерживался Мудров в соответствии с концепцией Броуна, с современной точки зрения была, конечно, весьма несовершенной. Но, если принять во внимание другие классификации того времени и даже классификацию такого корифея немецкой медицины, как Гуфеланд, то станет ясно, что и в этом отношении Мудров не только не отставал от современных ему выдающихся клиницистов, но был головой выше большинства из них.

Матвей Яковлевич, помимо распознавания болезни и лечения больного, придавал огромное значение правильно поставленному прогнозу; к умению предсказывать исход заболевания он постоянно приучал студентов и молодых врачей.

«Во врачебном искусстве нет ничего труднее сей науки предвидения, а самое предсказание требует такой тон-

кости, осторожности, благоразумия и мудрости, каких и словами изобразить не могу».

«Кто хочет успеть в сей науке, коея нет труднее, полезнее и славнее для врача, тот имеет для сего два средства: первое изучение семиотики и второе—ежедневное наблюдение перемен при постели больного».

Многое из того, чему учил Мудров в своей замечательной речи, произнесенной более 125 лет назад, не утратило своей свежести и новизны до настоящего времени. Подобной работы, где в такой ясной и сжатой форме были бы изложены основы всей клинической деятельности, не встречалось тогда ни в русской, ни в иностранной литературе.

М. Я. Мудров был одним из первых русских клиницистов, который придавал огромное значение установлению связи между клиникой и патологической анатомией. Характеризуя постановку преподавания в Петербургской медико-хирургической академии в начале XIX века, он выражал недоумение по поводу того, что патологическая анатомия там при наличии двух огромных госпиталей совершенно не интересовала врачей и умершие больные забывались, «не оставляя по себе причин болезней, расстроивших их организм».

Мудров, уделяя большое внимание патологической анатомии, всегда посещал вскрытия и часто сам производил их с целью изучения параллелизма между клиническими и секционными диагнозами. От своих учеников он требовал обязательного присутствия на секциях. Об этой стороне педагогической деятельности Мудрова с особой благодарностью вспоминал потом Н. И. Пирогов.

В этом отношении М. Я. Мудров, несомненно, опередил большинство современных ему клиницистов, ибо даже в западных университетах связь между клиникой и патологической анатомией тогда только начинала заро-

ждаться. Этому способствовали труды Биша, Пинеля, Лэйнека, Корвизара и др.

М. Я. Мудров отлично понимал всю важность «предохранительной» медицины. «Взять на свои руки людей здоровых, предохранить их от болезней наследственных или угрожающих, предписать им надлежащий образ жизни,—говорил он,—есть честно и для врача покойно, ибо легче предохранить от болезней, нежели лечить их. И в сем состоит первая его обязанность».

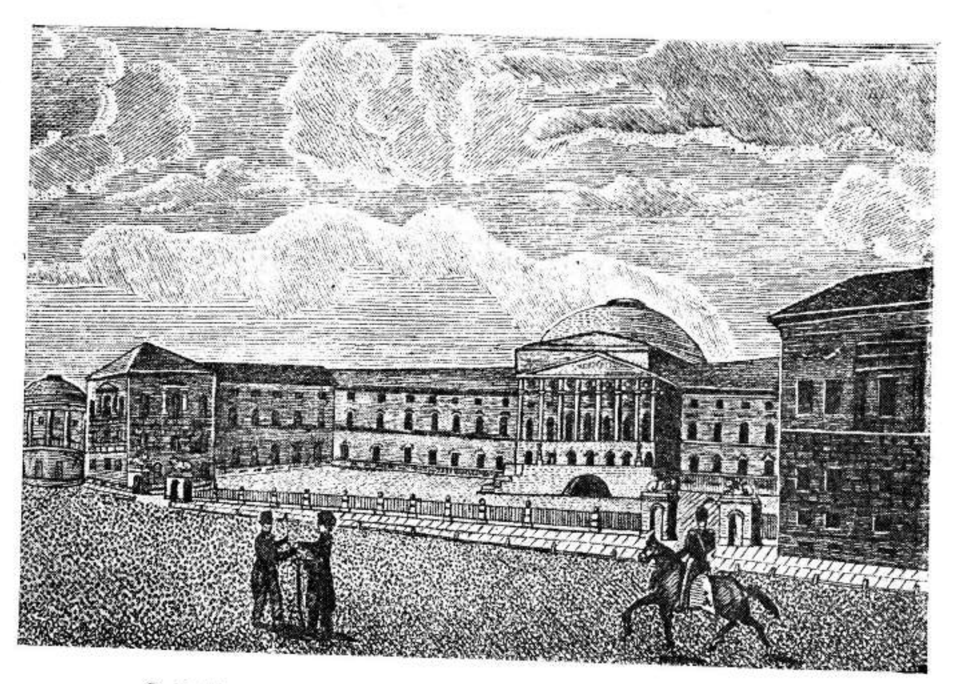
Насколько этот взгляд был для того времени нов и парадоксален, можно судить по тому, что сказанные Н. И. Пироговым почти на полвека позже слова «Будущее принадлежит медицине предохранительной», даже тогда, как говорит профессор М. Я. Капустин, прозвучали в России ново и одиноко.

Имея в виду бедность большинства населения и чутко относясь к нуждам несостоятельных больных, Мудров стремился выработать доступную для них терапию и с этой целью использовать всевозможные домашние средства.

В ту эпоху, когда над страной тяжелым ярмом висел гнет аракчеевщины, крепостничества и феодального барства, это желание притти на помощь бесправной и голодающей бедноте было, несомненно, прогрессивным.

Ранним утром М. Я. Мудров выезжал из дома в своей карете четверкой с ливрейными лакеями на запятках. Сидя в экипаже, он всегда читал какую-нибудь книгу. На козлах у кучера стояли корзины с лекарствами, чаем и вином. Все это он раздавал бедным больным, которых посещал безвозмездно. Многих он даже снабжал деньгами, ко многим приезжал по собственной инициативе.

«Дом Мудрова,—говорит Любавский,—всегда был полон разными воспитанниками, старыми друзьями, дальними родственниками, жившими на его иждивении».

Вид Московского университета в 1826 г. (литография).

Все эти факты указывают на то, что благотворительность играла очень видную роль в жизни М. Я. Мудрова, до конца дней своих сохранившего масонские убеждения.

Будучи бескорыстным и раздавая неимущим значительную часть своего заработка, он в то же время получал большие гонорары в богатых дворянских и купеческих домах и не любил, когда врачебный труд оплачивался дешево.

Студентам он читал: «В богатых и знатных домах, где соблюдается изящность и выбор аптекарских и всяких пособий, медицина именуется городской практикой; а в хижинах бедных и недостаточных людей, где употребляются домашние и самые дешевые лекарства, она называется медициною бедных. Медицина госпитальная или больничная есть средина между дорогим врачеванием богатых и дешевым лечением бедных. Богатым свойственно лакомство и бездействие, и простая пища и трудолюбие бедным... Научитесь прежде всего лечить нищих, вытвердите фармакопею бедных; вооружитесь против их болезней домашними снадобьями: углем, сажей, золой, травами, кореньями, холодной и теплой водой; употребите в пользу бедных ваших больных стихии: огонь, воздух, воду, землю, пособия, никаких издержек не требующие, и к этому приличную пищу и питье; ибо бедность их не позволяет покупать лекарства из аптеки».

Преподавать в клинике он старался по возможности наглядно. С этой целью им были, например, составлены таблицы, заключающие «все припадки и знаки, каковые только могли быть заключены на больных от Гиппократа до последнего времени».

Преподавание отнимало у него много времени. Ежедневно с 9 часов утра до 2 часов дня его можно было видеть в аудитории или в палатах, окруженным толпою студентов и врачей. Он часто приходил в клинику еще по вечерам,

а иногда и ночью, особенно когда там лежали тяжелые больные, требовавшие наблюдения.

С 1824 года Мудров начинает с огромным увлечением изучать систему физиологической медицины, введенную Бруссэ. В памятной записке графа Панина о профессорах Московского университета за 1831 год мы читаем о Мудрове, что он «оказал большие услуги университету и человечеству при образовании клиники, но его винят в излишнем пристрастии к методе Бруссэ».

Матвей Яковлевич с горячностью молодого студента стал изучать теорию Бруссэ и во многом заново переучиваться. Он выписал себе из-за границы новейшие руководства и сочинения по физике, химии, фармации и клинике и не один раз перечитывал их от строчки до строчки.

Сначала наблюдения его как бы говорили в пользу учения Бруссэ, но односторонняя теория не могла долго удовлетворять ясный практический ум М. Я. Мудрова. Скоро он убедился, что теория Бруссэ имеет много общего с броунизмом. Это та же теория, «только вывороченная наизнанку»,—говорил он. Бруссэ также связывал происхождение болезней с избытком или недостатком раздражения.

Благодаря своей наблюдательности Мудров убедился, что эта теория не оправдывает тех надежд, какие на нее возлагались. Поэтому после некоторого периода увлечения ею он вернулся к своей прежней «преданности и покорности лишь опыту и наблюдению». «Знания в практической медицине приобретаются единственно долголетнею опытностью и наблюдением». Его ученик и ближайший помощник П. И. Страхов говорит, что «если и оставалось при нем что-либо из системы Бруссэ, то разве одно лишь очень большое, чуть-чуть не излишнее пристрастие к употреблению пиявиц».

Во Франции в то время увлечение кровопусканиями достигло апогея. В 1829 году в страну было ввезено

33 миллиона пиявок. Один историк медицины остроумно заметил, что метод Бруссэ стоил Франции больше крови, чем все наполеоновские войны.

Следует добавить, что учение Бруссэ нашло с самого начала своего возникновения многочисленных приверженцев не только во Франции, но и в Германии, Англии и других государствах. Оно оказало большое влияние почти на все выходившие тогда медицинские сочинения.

Все здание этой системы основывалось, как известно, на трех главных положениях: 1) наличие «раздражения» в первоначально пораженном органе (понятие, заимствованное у Броуна), 2) распространение болезненных явлений в организме через «сочувствие» разных органов, 3) отрицание общих болезненных процессов.

Какое огромное впечатление производили новые взгляды Мудрова на студентов, видно из воспоминаний Н. И. Пирогова, относящихся к его студенческим годам (20-е годы XIX века).

— Ну, братцы, угостил сегодня Матвей Яковлевич!

— А что?

— Да надо ручки и ножки расцеловать за сегодняшнюю лекцию. Недаром сказал: «Запишите себе от слова до слова, что я вам говорю; этого вы никогда не услышите. Я и сам недавно узнал это из Бруссэ». И пошел, и пошел...

— Теперь уже, братцы, Франков, и Петра, и Иосифа, по-боку; теперь подавай Пинеля, Биша, Бруссэ!

— А в клинике-то, в клинике как Мудров отделал старье! Про тифозного-то что сказал!—«Вот,—говорит,—смотрите, он уже почти на ногах после того, как мы поставили слишком 80 пиявиц к животу; а пропиши я ему попрежнему валериану да арнику, он бы уже давно был на столе».

— Да, Матвей Яковлевич молодец, гений! Чудо, не профессор! Читает божественно!

Лекции Мудрова представляли собой преимущественно практические занятия у постели больных. Что же касается теоретических отделов медицины, то преподавание их в значительной мере лежало на адъюнктах. Так, в 1813—1814 годах Ризенко читал патологию по Немирову и общую терапию по Гуфеланду, а с 1814 года и до самой своей смерти в 1830 году от холеры эти предметы преподавал экстраординарный профессор В. И. Ромодановский. Он читал общую патологию по тому же Немирову, Конеб-руху и Инею, а общую терапию—по Гуфеланду, Аккерману и Шпрингелю.

Клиника во многом обязана М. Я. Мудрову в отношении упорядочения составления и ведения историй болезни. Это дело он поставил так, как никто из его современников и даже из последующих профессоров первой половины XIX столетия. Как только он вступил в должность клинического профессора, он сразу обратил внимание на медицинскую документацию, которая велась тогда не только небрежно, но и нерегулярно. Для образца он сам написал две истории болезни и поместил их в особую «красную с золотым обрезом и украшениями сафьяновую книгу», предназначенную для собирания записей о наиболее интересных случаях.

М. Я. Мудров придавал исключительно большое значение методичности ведения историй болезни и доходил в этой области до педантизма. У него была особая книжка, содержавшая более тысячи подробных записей о леченных им больных. Мудров очень дорожил ею.

«Сие сокровище,—говорил он,—для меня дороже всей моей библиотеки. Печатные книги везде можно найти, а историй болезни нигде. В 1812 году все книги, составлявшие мое богатство и ученую роскошь, оставались здесь на расхищение неприятелю; но сей архив везде был со мною, ибо от больных приобретаются книги и целые библиотеки; от больных богаты врачи; на пользу больных

должны они взаимно посвящать все избытки и труды свои».

Книга имела и практическое значение. «Бывало, например,—пишет Страхов,—обращается к нему какая-нибудь барынька с просьбой: «Батюшка, Матвей Яковлевич, дай мне мази, которую ты мне выписывал тогда-то; она мне так помогала». М. Я. мог навести справку.

Относительно составления историй болезни Мудров, между прочим, давал такие наставления: «1) История болезни должна иметь достоинства точного повествования о случившемся происшествии; следовательно, должна быть справедлива. В ней те только явления надлежит описывать, кои в самой вещи в известное время были, а небывалых выдумывать не должно для оправдания своего лечения либо для утверждения какого-нибудь умозрения или системы. 2) Историю болезни должно писать рачительно, т. е. главные и важные явления, на коих основывается весь план лечения, ставить впереди, но и прочих припадков не опускать, подобно живописцу, малейшие черты и тени изображающему в лице человека, ибо таковым описанием выражается натура болезни и печатлеется физиономия или вид оной. 3) В истории болезни должно избегать многословия, т. е. излишней подробности. 4) Как лечить должно просто, так и историю болезни писать просто». «Написать,—говорил он,—надобно все... и ежедневно поверять ход болезни с лечением, а лечение с предведением».

М. Я. Мудров учил не видеть в прописываемом рецепте основу лечения. Его фармакология была коротка. В этом отношении он значительно опередил даже выдающихся своих современников. Насколько врачи любили тогда длинные рецепты, можно судить по научным работам того времени. Даже такой талантливый и образованный врач, как Виллие, назначал чрезвычайно сложные лекарства, состоявшие из 10, а то и из 20 средств.

М. Я. Мудров говорил студентам: «Ты достигнешь до той премудрости, что не будешь здравия полагать в одних только склянках; твоя аптека будет вся природа на службу тебе и твоим больным».

В течение всей своей профессорской деятельности он стремился к тому, чтобы не только сделать своих учеников образованными врачами, но и вселить в них высокие этические понятия.

Преклоняясь перед гением Гиппократа и его морально-философскими взглядами, Матвей Яковлевич поставил перед собой задачу—перевести на русский язык труды великого врача древности. Мудров не сомневался в том, что эта работа по переводу Гиппократа принесет большие и полезные результаты. На взгляды Гиппократа он обращал внимание не только врачей и студентов, но и широкой публики, предлагая ей «по сим живописным чертам научиться выбирать для себя врачей Гиппократовых» и тем побуждать медицинскую молодежь совершенствоваться в своей специальности.

Перевод требовал громадного труда. Преодолеть все трудности, как говорит сам М. Я. Мудров, было в сто раз тяжелее, чем написать собственное сочинение. «Но плененный мудростью Гиппократа, движимый любовью к своим достойным слушателям, благом общества и славой Московского университета, я решился проводить ночи с Гиппократом».

В 1817 году он представил медицинскому факультету два перевода афоризмов Гиппократа—краткий и пространный. К сожалению, оба они не были напечатаны.

Особенно глубоко и ярко М. Я. Мудров развил свои взгляды на обязанности врача и на врачебную этику в речи «О способе учить и учиться медицине».

Как высоко ставил Матвей Яковлевич звание врача и какие требования предъявлял он к людям медицины, можно видеть из следующего его обращения к студентам:

«Вам надобно готовиться к понесению тяжких трудов на будущем поприще вашем и не искать ничего, кроме строгого исполнения священных обязанностей ваших, какие бы вражды или гонения ни приписывали вам на сем тесном пути... Вам нужно беспрестанно бодрствовать, беспрестанно трудиться... Я призываю вас к трудам необыкновенным».

Объяснив трудности врачебной деятельности, он добавил:

«Кто не хочет итти к совершенству сим многотрудным путем, кто звания сего не хочет нести с прилежностью до конца дней своих, или кто не призван к оному, но упал в оное, преткнувшись, тот оставь заблаговременно священные места сии и возвратись во-свояси. Вместо тучных класов, ты пожнешь плевелы одни, ибо семя учения сего падет на бесплодную ниву, тобою не возделанную, недр коея ни дождь, ни роса не напояли. Вместо хлеба, тобою искомого, глодать будешь кости; ибо врач посредственный более вреден, нежели полезен. Больные, оставленные натуре, выздоровеют, а тобою пользованные умрут».

Взгляды на свои обязанности как профессора и воспитателя Мудров выразил следующими словами:

«Я должен бы, любезные юноши, сие врачебное учение начать с врачевания вас самих, т. е. лечения вашей наружности в чистоплотности, в опрятности одежды, в порядке жилища, в благоприличии вида, телодвижений, взглядов, слов, действий и пр.; потом перейти к врачеванию душевных свойств ваших. Начав с любви к ближнему, я должен бы внушить вам все прочие проистекающие из оной врачебные добродетели, а именно: услужливость, готовность к помощи во всякое время, и днем и ночью, приветливость, привлекающую к себе робких и смелых, милосердие к чужестранным и бедным, бескорыстие, снисхождение к погрешностям больных, кроткую строгость к их непослушанию, вежливую важность с выс-

шими, разговор только о нужном и полезном, скромность и стыдливость во всяком случае, умеренность в пище, ненарушимое спокойствие лица и духа при опасностях больного; веселость без смеха и шуток при счастливом ходе болезни, хранение тайны и скрытность при болезнях предосудительных, молчание о виденных или слышанных семейных беспорядках, обуздание языка в состязаниях, по какому бы то поводу ни было, радушное принятие доброго совета, от кого бы он ни шел, убедительное отклонение вредных предположений и советов, удаление от суеверия, целомудрие и пр.».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МУДРОВ стремился всеми силами вселить в своих учеников любовь и уважение к науке и научить их возможно продуктивнее использовать пребывание в университете для своего умственного развития.

Он горячо любил молодежь—студентов и начинающих врачей. К нему легко было обратиться за советом как медицинским, так и житейским. Он всегда приветливо шел навстречу каждому, всегда рад был помочь и словом, и делом.

Расставаясь с окончившими курс молодыми врачами, он обычно говорил: «Ступай, душа, будь скромен, не объедайся мясищем, не пей винища и пивища, бегай от картишек, люби свое дело, свою науку, службу государеву—и будешь счастлив и почтен».

Своим ученикам он советовал как можно больше читать, ибо «врач без книг, что рабочий без рук». Матвей Яковлевич был всегда на высоте современной науки: много выписывал книг русских и особенно иностранных, много читал и постоянно стремился применять на практике новые данные, заимствованные из литературы. «Во врачебном искусстве нет врачей, окончивших свою науку», было его любимой поговоркой.

Часто он делился с учениками своими впечатлениями о прочитанной книге и радовался, если слушатели понимали его и разделяли принятую им точку зрения.

«Его библиотека,—говорит Страхов,—и столь радушная сообщительность были истинным лучшим убежищем для искателей прочных познаний в медицине».

Особенно большую услугу оказал Матвей Яковлевич своей библиотекой врачам, писавшим диссертации и научные работы. В частной жизни он не лишен был чудачеств. Кабинет его, по словам Страхова, имел бревенчатые стены и волоновое окно вместо форточки. Это напоминало хозяину родительскую избушку, в которой он родился и вырос. Завтраком ему служила нередко чашка отвара черносмородиновых листьев и пятикопеечная просфора, поднесенная каким-нибудь бедняком вместо гонорара.

«Матвей Яковлевич высоко чтил память родителей своих и жениных,—говорит биография его,—и весьма дорожил вещами, после них ему доставшимися: чайная старая чашка, принятая им из рук отца при прощании, всегда была священна для него. Каждое утро и вечер он целовал ее вместо руки родительской. С этой драгоценностью Мудров странствовал по чужим краям и как-то дорогою расшиб ее: великая печаль овладела им тогда; он старательно собрал ее все разбитые верешечки, все крупинки и сохранил до приезда в Париж. Там один из бронзовых дел мастеров утешил его, собрал в свои места все верешки и склеил их; под возобновленную таким образом чашку подделал красивый четыреножник и накрыл бронзовою крышкою; все это вместе представляло очень красивый маленький памятник, который у почтительного сына всегда занимал первое почетнейшее место между всеми другими вещами в доме».

Такое чувство благоговейного почтения детей к памяти покойных родителей показалось французам весьма удивительною, диковинною редкостью. Из рассказов бронзовщика о его работе для Мудрова составился анекдот, который рассказывали по всему Парижу и даже напечатали в журналах.

У его дома в Филипповском переулке, а с 1821 года на Пресне, москвичи ежедневно могли наблюдать толпы нищих, приходивших из окрестных деревень за помощью и советом к знаменитому доктору.

«Своим бедным», как он сам называл их, он отдавал почти все, что получал от богатых больных, с которыми не церемонился и от которых щедро получал за свои визиты. Необыкновенную доброту он проявлял и к животным.

«Никто,—говорит Страхов,—не смел при нем ударить собаку, а даже забегавших собак он велел кормить. Никто не смел поставить ловушку для мышей; если это и делалось в доме, то с величайшей осторожностью, чтобы он не заметил». «И они—творения рук божьих, поместьев не имеют, жалования не получают; надо ж им питаться! Нас не объедят: все сыты будем, не изводя живых существ жестокими средствами»,—говорил он.

Несмотря на то, что Мудров обладал трезвым, практическим умом и никогда не впадал в мистические настроения, свойственные эпохе, он все же до конца жизни остался глубоко религиозным человеком. Вероятно, здесь сказалось влияние отца и того церковно-патриархального воспитания, которое Мудров получил в семинарии.

Между прочим, влияние семинарии сказалось и на языке Матвея Яковлевича: он так и не смог отделаться от склонности к высокопарным древнеславянским выражениям, и его речь, как устная, так и письменная, даже для того далекого времени была чересчур напыщенной и архаичной. Речи, произносимые им на торжественных университетских собраниях, нередко напоминали собой молитвы или церковные проповеди.

М. Я. Мудров всегда с благодарностью помнил все хорошее, что делали ему люди. В память Ф. Ф. Керестури, приютившего его в дни юности, в первые дни приезда его в Москву, он всю жизнь заботился о родственниках

умершего профессора. В память попечителя Московского университета М. Н. Муравьева (отца декабристов), сделавшего много хорошего для университета и его профессоров, Мудров делал все возможное для оказания помощи его вдове Е. Ф. Муравьевой и ее сыновьям-декабристам, сосланным после 1825 года в Читу. Здесь сыграла большую роль близость Мудрова с генерал-губернатором Москвы князем Д. В. Голицыным.

В 1812 году, будучи в Нижнем-Новгороде, Матвей Яковлевич встретил там двух сирот, дочерей своего покойного учителя профессора Барсук-Моисеева. Он взял их к себе и воспитал вместе со своей дочерью. У него жили дети и некоторых других товарищей по университету.

В 1822 году А. Ф. Лабзин, вице-президент Академии художеств, после избрания в почетные любители Академии А. А. Аркачева и Д. А. Гурьева, иронически предложил избрать в почетные любители художеств кучера Александра I Илью Байкова как лицо, если не более, то и не менее близкое к государю, чем названные вельможи. За эту «дерзость» Лабзин был снят с должности и выслан в уездный городок Симбирской губернии Сенгилей.

М. Я. Мудров не побоялся принять у себя опального ученого, когда тот по дороге в Сенгилей проезжал с женой через Москву. Три дня жил Лабзин у Мудрова, и три дня в знак уважения к гостю был иллюминован профессорский дом на Пресне.

Когда в 1825 году А. Ф. Лабзин умер в Симбирске, его жена возвратилась в Петербург с бумагами мужа, завещанными Мудрову. Матвей Яковлевич настоял, чтобы Лабзина поселилась у него в Москве. Через Академию художеств он выхлопотал ей пенсию (600 рублей в год). В 1828 году, когда она умерла, он похоронил ее на Ваганьковом кладбище и поставил на могиле памятник, сохранившийся до наших дней.

Х. И. Лодер.

С большим уважением относился М. Я. Мудров к своим учителям. Он всегда охотно совещался со старыми опытными врачами и ценил те знания, которые заимствовал у них.

«Быв некогда сам молод и неопытен,—говорил он студентам,—я всегда любил добрые советы старых врачей, люблю их и поныне и всегда готов ими пользоваться. Я торжественно, с благодарностью признаю, что благовременные советы таковых врачей были для меня первой и лучшей школой в Москве и несравненно полезней всех практических книг».

Сам же он, приглашаемый на консилиумы, никогда горячо не спорил, не порицал мнений и действий врачей, но излагал свои мнения или возражал тихо, вразумительно, без надменности, без насмешек. Перед больным и домашними его никогда не поносил и не чернил поступков обыкновенного, пользовавшего в доме врача, так как осуждать врача перед не врачами он считал за одно и то же, что поносить самую врачебную науку. Но если действительно он усматривал неправильные действия какого-нибудь врача, то наедине делал ему замечания, даже и выговор, но дельный, ясный, без грубости и оскорбления, и при всем том старался всячески оправдать врача перед больным.

Профессора Ф. А. Гильдебрандт и М. Х. Пекен—первый оглохший, второй почти лишившийся зрения—доживали свои дни всеми забытые. Мудров нередко приглашал их на различные консилиумы, считаясь с их знаниями и опытом. Это скрашивало последние дни стариков и давало им заработок.

Страстный библиофил, Мудров, после того как пожертвовал свою библиотеку Московскому университету, вскоре опять собрал большое количество книг, которыми широко пользовались его ученики и знакомые.

В университете его лучшими друзьями были Х. И. Лодер и Е. О. Мухин. С 1827 года он сблизился с И. Е. Дядь-

ковским. Их встречи всегда кончались ожесточенными научными спорами. Во многом они не сходились, но это не мешало Мудрову уважать И. Е. Дядьковского и считать его одним из лучших врачей-диагностов.

Е. О. Мухина он любил за твердость характера и за работоспособность. Мудров восхищался красотой его глаз и говорил студентам: «У Ефрема Осиповича горение ума в глазах». Лодера за его звонкий голос он называл «серебристым колокольчиком».

В 1820 году М. Я. Мудров обратил внимание на студента Сашу Овера, которого ему указал Х. И. Лодер. Мудров отметил в юноше большие способности и склонность к научной работе. Он всячески поощрял его и поддерживал на жизненном пути, сделавшись для него и наставником и отцом: «Мой Саша»,—говорил он об Овере. Радостно было Мудрову 5 июля 1821 года видеть на университетском акте торжество своего любимца, который вместе с дипломом врача получил из рук московского генерал-губернатора Д. В. Голицына золотую медаль за успехи в науках. Так счастливо завершился ученический период Овера, блестяще оправдавшего затем доверие своего учителя.

Близости и дружбы М. Я. Мудрова искали лучшие люди Москвы. Он находился в близких и дружественных отношениях с князем Д. В. Голицыным, одним из просвещеннейших людей своего времени. Декабрист М. Ф. Орлов называл князя «порядочным человеком». То же говорит и Герцен в «Былом и думах». Д. В. Голицын проявлял большой интерес и внимание к Московскому университету; он глубоко ценил его выдающихся профессоров. Ежедневно в его доме на Тверской (ныне здание Моссовета) собирались литераторы и ученые.

М. Я. Мудров был домашним врачом Голицына и любимым его собеседником. В свободные часы они подолгу беседовали о Страсбурге, о французской революции,

Е. О. Мухин.

о наполеоновских войнах, о новейшей западной философии.

Каждое лето Мудров проводил у Голицыных в их подмосковном—Вяземах. Он помогал жене князя Татьяне Васильевне, женщине, им глубоко уважаемой, в ее заботах «о распространении образования среди девиц бедного класса».

По словам Лодера, близость Мудрова с Голицыным была очень полезна для университета и, в частности, для медицинского факультета.

«При всем этом,—говорит Колосов,—нельзя не признать, что М. Я. Мудрову все же был присущ некоторый, если можно так выразиться, внешний бюрократизм». В своих работах он всегда в очень почтительной форме отзывался о начальствующих лицах, называя их «высокопоставленными начальниками, светом благочестия сияющими». Эта черта—почтительное отношение к высшему начальству, преклонение перед внешними знаками отличия, чинами и орденами—была свойственна тогда многим представителям науки, в частности, медицинской. Она являлась результатом того всеобщего раболепства, которое оставалось в России как наследие XVIII века и дань которому отдавали даже самые просвещенные и выдающиеся люди того времени.

Мудров дружил и с московским почт-директором К. Я. Булгаковым, которого он впервые встретил в Вене, находясь в заграничной командировке.

Резко отличаясь от своего брата А. Я. Булгакова—петербургского почт-директора, известного полицейскими деяниями (он вскрывал чужие письма и был негласным осведомителем), живой и общительный К. Я. Булгаков, доступный всем, особенно подчиненным и бедным людям, являлся образцом скромности и культурности.

В прошлом любимец Кутузова, К. Я. Булгаков был надежным хранителем доверенных ему тайн. Но Мудрову

он сообщал по секрету политические новости и предупреждал о неприятностях, грозящих со стороны правительства людям, близким Матвею Яковлевичу.

С Мудровым был близок—как уже было сказано—и другой видный деятель русского культурного движения и участник передовых литературных кружков Александр Тургенев, брат известного декабриста, друг А. С. Пушкина.

Не будучи литератором по профессии, А. Тургенев обладал наблюдательностью, остроумием и даром слова. Он имел много знакомств в литературно-общественных кругах Западной Европы и служил живой связью между ними и либеральной русской интеллигенцией. Имея в виду научные цели, он заботливо извлекал из архивов Франции и Италии древние документы, касающиеся истории России, и переправлял их на родину в подлинниках или в копиях.

После суда над декабристами, на котором его брат Николай, находившийся в то время за границей, был заочно приговорен к смертной казни, А. Тургенев провел несколько дней у Мудрова на Пресне, деля огромное горе с лучшим другом своей семьи.

В начале января 1827 года Мудров простился с А. Г. Муравьевой, женой декабриста, члена Верховной думы Северного общества, приговоренного к каторжным работам на два года. Он был сыном попечителя Московского университета.

А. Г. Муравьева (урожденная Чернышева), близкая семье Чеботаревых и особенно жене Мудрова, одна из первых жен декабристов последовала за мужем в Сибирь. Перед отъездом она просила Матвея Яковлевича наблюдать за ее детьми, которых она оставляла в Москве у своей свекрови Е. Ф. Муравьевой. Мудров преклонялся перед молодой женщиной, глубоко эмоциональной, сильной и решительной, спешившей в далекую Сибирь разделить

П. Я. Чаадаев.

тяжелую участь своего мужа. Прощаясь с ней, Мудров разрыдался.

А. Г. Муравьева писала иногда Мудрову из Сибири, благодаря его за внимание к детям и за помощь, которую он оказывал ее родственникам.

Когда Муравьева на свои средства устроила в Чите больницу, Мудров переслал ей с оказиями все необходимое для работы лечебного учреждения. До конца своей жизни он не переставал заботиться об А. Г. Муравьевой, восхищаясь ее великим нравственным образом. Ни одна из жен декабристов не нашла себе такой высокой оценки в мемуарах и письмах современников, как эта передовая русская женщина.

6 сентября 1827 года по инициативе Д. В. Голицына Московский университет праздновал полувековой юбилей врачебной деятельности Х. И. Лодера. Празднование происходило в доме Н. Б. Юсупова на Никитской.

Перед окончанием обеда М. Я. Мудров в стихах собственного сочинения «воспел золотую свадьбу Лодера с медициной», чем развеселил все ученое собрание.

Начиная с этого празднества, произошло вновь заметное сближение Мудрова с Дядьковским. При встречах они во избежание ссоры уже не касались личных убеждений и верований.

Как-то Дядьковский приехал к Мудрову на квартиру. Усталый, проработавший очень много часов в университете, он разговорился о семинаристах. «Среди этого сословия находятся люди,—сказал он,—не только такие, которые идут в дьячки и пономари, но даже и такие, как вы и я, добрейший Матвей Яковлевич». Дядьковский тут же написал завещание—все, что останется после его смерти, отдать на нужды неимущих семинаристов.

Мудров лечил П. Я. Чаадаева, с которым его также связывала большая и долголетняя дружба. В сумерки, в тиши своего кабинета, русский философ-публицист,

которого так любил и высоко ценил Пушкин, вспоминал в беседах с Мудровым о своих встречах с гениальным русским поэтом, о знакомстве со Шлегелем, Шеллингом, Ламенне. Он трогательно рассказывал Мудрову и о своих лучших друзьях—декабристах.

Мудров ценил в Чаадаеве глубокий ум. Он с жадностью читал все, что было написано Чаадаевым, и даже многое из того, чего автор не публиковал в печати.

Особенно ценил он «Философические письма» Чаадаева, которые увидели свет только в 1836 году, когда Мудрова уже не было в живых.

После ознакомления с «Философическими письмами» он писал Чаадаеву: «С большим прискорбием расстался я с вашим сочинением... ибо оно хорошо, ново, справедливо, поучительно, учено и благочестиво».

В других неопубликованных письмах Мудрова к Чаадаеву можно найти немало воспоминаний о приятных часах, проведенных друзьями в долгие московские вечера.

«Буду у вас, мой просвещенный друг и истинный благодетель. Приеду посумерничать. Всегда радостно мне слушать вашу умную беседу»,—писал Мудров.

В письмах имеются частые просьбы о присылке новых статей для прочтения и восторженные отзывы о прочитанных сочинениях. Нередко в письмах можно встретить и всевозможные врачебные советы.

В Москве в 20-х годах имелся единственный оптический магазин, владельцем которого был Алексей Кони.

Посещая этот магазин, М. Я. Мудров обратил внимание на сына владельца—Федора, всегда сидевшего в стороне и читавшего серьезные книги.

Мудров заинтересовался юношей, обнаружил в нем большие способности и помог ему поступить в Московский университет.

Кони, избрав сначала философский факультет, вскоре под влиянием Мудрова перешел на медицинский, кото-

рый закончил в 1834 году. Став врачом, он посвятил себя педагогической деятельности. С 1849 года, выйдя в отставку, Кони целиком отдался литературной работе, оставив свое имя в летописях русского театра. Его нашумевшие в свое время водевили до сих пор сохранили художественную и сценическую ценность, а изданные им «Пантеон русского и всех европейских театров» и «Пантеон» являются классическими пособиями для историков литературы и театра.

Сын Федора Кони—Анатолий Федорович (1844—1927), известный судебный и общественный деятель, литератор и публицист, автор книги о Ф. П. Гаазе и богатейших мемуаров, сохранил в памяти семейные рассказы о Мудрове и как реликвии берег книги, подаренные его отцу прославленным терапевтом.

В 1830 году в России появилась эпидемия холеры, начавшая быстро распространяться по стране. Для борьбы с народным бедствием была организована центральная государственная комиссия, выехавшая для работы в Саратов. В качестве члена комиссии правительство выделило и М. Я. Мудрова как виднейшего профессора-терапевта и крупного организатора.

В первых числах сентября 1830 года Мудров отправился в Поволжье. Его сопровождали профессор Московского университета А. Е. Эвениус и студент Федор Кони. Вслед за ними 6 сентября 1830 года выехал и Дядьковский.

М. П. Погодин как член университета не мог оставаться равнодушным «к подвигам своих собратий».

«Мудров,—писал он тогда,—в двадцать четыре часа посылается на чуму. Какое славное поручение! Остановить смерть, которая со всеми ужасами несется на отечество...»

«С удовольствием услышал,—продолжал он,—что многие студенты вызываются ехать с Мудровым на чуму. Вот в каких случаях обнаруживается русский характер».

Остановившись дорогой во Владимире, Матвей Яковлевич издал там брошюру под названием «Краткое наставление, как предохранять себя от холеры, излечивать ее и останавливать распространение оной».

Он пробыл в Поволжье три месяца до полного прекращения эпидемии, после чего вернулся в Москву и возобновил занятия в университете.

Вместе со Страховым он составил «Наставление простому народу, как предохранять себя от холеры и лечить занемогших сею болезнью в местах, где нет ни лекарей, ни аптек». По рассмотрении в Медицинском совете наставление это было одобрено, напечатано и внесено в т. 13 Свода законов.

Из Москвы Мудров был откомандирован на некоторое время в Тулу для принятия мер против холеры. В июне 1831 года холера начала свирепствовать в Петербурге.

Мудрова срочно вызвали на борьбу с эпидемией, число жертв которой возрастало с каждым днем. С грустью покидал он Москву. В последний раз писал он Чаадаеву: «Мой друг и благодетель! Тяжко расставаться с Москвой, к которой привык, которую люблю. Жаль университет! Тяжко расставаться с близкими, с вами, а долг велит ехать. Следуйте советам моим и берегите себя».

Матвею Яковлевичу была поручена организация двух холерных больниц—на Песках и у Калашниковской пристани. Немало сил ему пришлось положить на выполнение трудного и ответственного дела.

Трудность работы усугублялась еще тем обстоятельством, что население города, не веря врачам, начало устраивать нападения на больницы с целью освобождения своих родственников и знакомых.

1 июля, открывая больницу, Мудров выступил перед толпой возбужденных судостроительных рабочих с речью, в которой призывал их относиться с доверием к врачам и другому медицинскому персоналу.

КРАТКОЕ НАСТАВЛЕНІЕ

О ХОЛЕРѢ

И СПОСОБЪ КАКЪ ПРЕДОХРАНЯТЬ СЕБЯ ОТЪ ОНОЙ, КАКЪ ИЗЛѢЧИВАТЬ ЕЕ И КАКЪ ОСТАНАВЛИВАТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЕ ОНОЙ.

Доктора Медицины, Профессора Терапіи и Клиники, Директора Клиническаго Института при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ, Статскаго Совѣтника и Кавалера

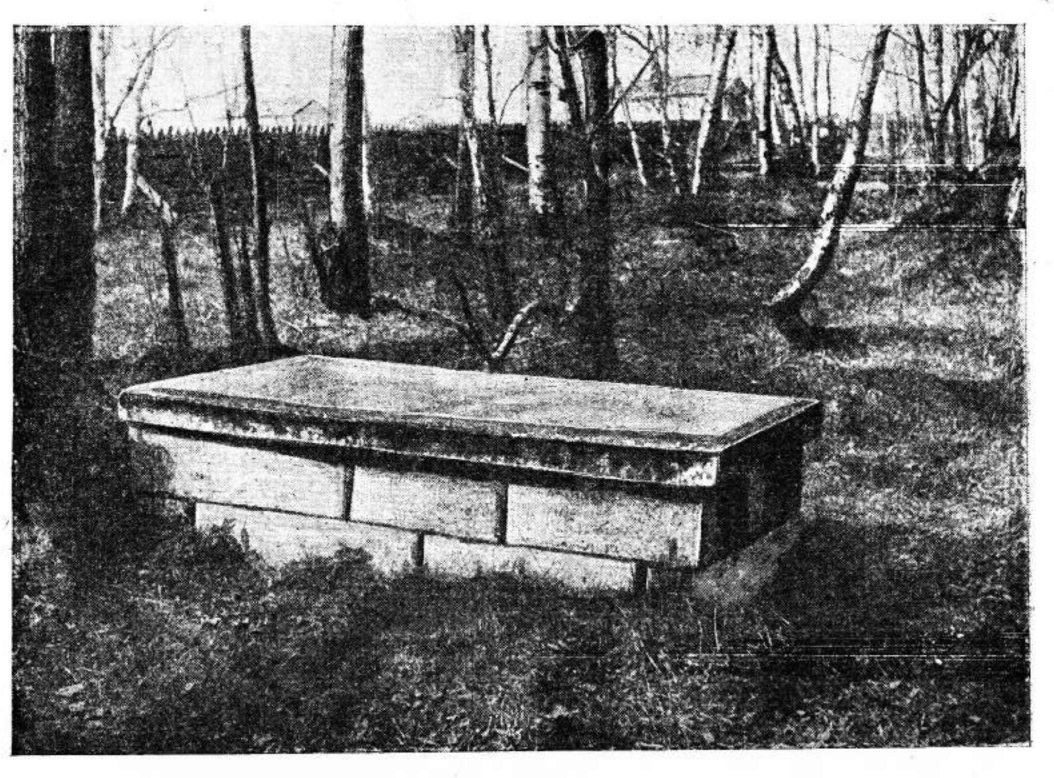
МАТѲІЯ МУДРОВА.

НОВОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1831.

Могила Мудрова.

Как замечательному оратору ему удалось успокоить толпу.

7 июля за обедом Матвей Яковлевич почувствовал себя дурно и вышел из-за стола в кабинет. Здесь скоро проявились признаки той самой болезни, на борьбу с которой он отдал все свои силы. 8 июля утром он скончался.

Похоронили Матвея Яковлевича Мудрова в Петербурге на холерном кладбище. На могилу его была положена простая гранитная плита.

«До сих пор на этом отдаленном ленинградском кладбище,—пишет Г. Колосов, лучший биограф Мудрова, — расположенном в болотистом месте, на Куликовом поле, среди немногих сохранившихся памятников одиноко стоит эта плита.

Очевидно, Матвей Яковлевич был похоронен среди тех, кому он преимущественно в течение всей своей жизни отдавал свое внимание и свои знания—среди бедных».

Плита уже отчасти развалилась, выветрилась, покрылась плесенью. Надпись на ней стерлась, тем не менее Г. Колосову удалось ее разобрать:

«Под сим камнем погребено тело Матвея Яковлевича Мудрова, старшего члена Медицинского совета Центральной холерной комиссии, доктора, профессора и директора Клинического института Московского университета, действительного статского советника и разных орденов кавалера, окончившего земное поприще свое после долговременного служения человечеству на христианском подвиге подавания помощи зараженным холерою в Петербурге и падшего от оной жертвой своего усердия. Полезного жития ему было 55 лет. Родился 25 марта 1776 года, умер 8 июля 1831 года».

* * *

Имя М. Я. Мудрова навсегда вошло в историю русской медицины. Мудрость ученого сочеталась в нем с большой

и кипучей душой русского человека. Самородок, вышедший из темного захолустья, из недр народа, он прошел блестящий жизненный путь. Его жизнь была образцом творческого и упорного труда, направленного на созидание русской медицинской науки.

Создание терапевтической клиники Московского университета, коренная перестройка методов преподавания, внедрение новейших достижений медицины—вот основные заслуги М. Я. Мудрова, создавшие ему славу основоположника отечественной клинической терапии.

Мудров не ограничивался одной только академической деятельностью. Созданную им медицинскую школу он поставил на службу обществу и главным образом его неимущим и бесправным слоям. С полным правом его можно назвать врачом-общественником, врачом-демократом. Только в наши дни образ Мудрова раскрывается перед нами во всей своей полноте и привлекательности.

ТРУДЫ М. Я. МУДРОВА

1. De spontanea placentae solutione. Diss. D. M. M., 1804.

2. Principes de la pathologie militaire, concernant la guérison des plaies d'armes à feu et l'amputation des membres sur le champ de bataille ou à la suite de traitement developpés auprès des lits des blessés à Vilno 1808.

3. Слово о пользе и предметах военной гигиены или науки сохранять здоровье военнослужащих, М., 1808.

4. Описание торжественного обновления и освящения медицского факультета в Московском университете 13 октября 1813 г., изданное деканом врачебного отделения М. Мудровым, М., 1814.

5. Слово о благочестии и нравственных качествах гиппократова врача, говоренное 13 октября 1813 г., М., 1814.

6. Поучительная речь к медицинским питомцам, говоренная при заложении клинических институтов 5 июля 1819 г., М., 1820.

7. Слово о способе учить и учиться медицине практической при постелях больных, говоренное при открытии новых институтов 25 сентября 1820 г., М., 1820.

8. Гиппократа афоризмы, М., 1821 (вышло лишь начало).

9. О пользе врачебной пропедевтики, т. е. медицинской энциклопедии, методологии и библиографии. Нарочитая лекция 3 октября 1828 г. в Московском университете, М., 1828.

10. Замечание на статью А. Иовского, М., 1828.

11. Краткое наставление, как предохранить себя от холеры, излечивать ее и останавливать распространение оной, М., 1830.

12. Наставление простому народу, как предохранять себя от холеры и лечить занемогших сею болезнью в местах, где нет ни лекарей, ни аптек, М., 1830.

13. Духовное врачевство, или священное размышление о болезнях человеческого тела (рукопись).

14. Молитвенное слово, читанное 5 июля 1819 г. при закладке Клинического института (рукопись).

15. Рассуждение о средствах, везде находящихся, которыми в трудных обстоятельствах при недостатке аптекарских лекарств

и лекарей должно помогать больному солдату. Читано 4 мая 1812 г. в Физико-медицинском обществе.

16. Речь благодарственная к посетителям, говоренная 10 ноября 1819 г. при открытии возобновленного анатомического театра.

17. Nosographia physiologica ad leges et extispicia anatomiae generalis et pathologicae delineata, M., 1826.

18. Мудров М. Я. Речь о постепенном шествии наук в России и средствах к новому их насаждению. СПБ, 1805.

19. Мудров М. Я. Стихи доктора Матвея Яковлевича Мудрова, читанные в день юбилея доктора Лодера. Русский архив, 1903 кн. I, стр. 435.

ЛИТЕРАТУРА О М. Я. МУДРОВЕ

1. *Батюшков К.*, Сочинения, т. I—III, СПБ, 1884—1886; т. II, стр. 419; т. III, стр. 373, 725.

2. *Богданов Н. М.*, Очерки истории кафедры частной патологии и терапии в Московском университете (1755—1905), Москва, 1909.

3. Взгляд на настоящее, Вестник естественных наук и медицины, № 12, стр. 167—199, 1831.

4. *Военский К.*, Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 г., СПБ., 1912.

5. *Высоцкий П.*, Замечания на статью в № 6 «Вестника естественных наук и медицины», Московский телеграф, 1828, ч. 23, стр. 234—241.

6. *Державин Г. Р.*, Сочинения, т. I—IX, СПБ, 1864—1883; т. II, стр. 718—721.

7. Доктор Матвей Яковлевич Мудров. В кн. Рихтер В. История медицины в России, ч. III, стр. 404—407, М., 1820.

8. *Жихарев С. П.*, Записки современника, т. I—II, М.—Л., 1934.

9. Замечания на статью, помещенную в Октябрьской книжке сего журнала проф. М. Я. Мудрова, Вестник естественных наук и медицины, ч. II, стр. 428, 1828.

10. *И. О.*, Воспоминания о Матвее Яковлевиче Мудрове, Московские ведомости, № 100, стр. 420—421, 1854.

11. Императорский Московский университет в 1798—1830 гг. в воспоминаниях М. П. Третьякова, «Русская старина», т. LXXI, гл. I—II, июль, стр. 105—131, 1892; гл. III—V, август, стр. 307—345; гл. VI—VII, сентябрь, стр. 533—553; т. LXXVI, гл. VIII—IX, октябрь, стр. 123—148.

12. *Каратыгин П*, Холерный год, 1830—1831, СПБ, 1887.

13. *Кирпичников А. И.*, Профессор М. Я. Мудров, П. Я. Чаадаев и Ф. Ф. Вигель, Русская старина, т. LXXXV, № 3, стр. 611—617, 1896.

14. *Колосов Г.*, Проф. Матвей Яковлевич Мудров. Его личность, научно-общественная деятельность и значение для русской медицины, Петроград, 1915.

15. *Кончаловский М. П., Смотров В. Н.*, Роль деятелей Московского университета в развитии клинической медицины. К 175-летию Московского медицинского института, Клиническая медицина, т. XVIII, № 12, стр. 3—13, 1940.

16. *Любавский М. К.*, Московский университет в 1812 г., М., 1913.

17. *Ляликов Ф. Л.*, Студенческие воспоминания 1818—1822 гг., Русский архив, № 11, стр. 376—387, 1875.

18. Матвей Яковлевич Мудров. В кн.: «Русские люди». СПБ—М., т. II, стр. 104—126, 1886.

19. Матвей Яковлевич Мудров (некролог). В кн.: «Речи, произнесенные в торжестенном собрании Императорского Московского университета. Июля 8 дня 1832 г., стр. 48—50.

20. *Мудров* Матвей Яковлевич. В кн.: Геннади Г., Справочный словарь о русских писателях и ученых, т. II, Берлин, стр. 348—349, 1880.

21. *Мудров* Матвей Яковлевич. В кн.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, ч. II, М., стр. 114—139, 1855.

22. *Мудров* Матвей Яковлевич. В кн.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. XXXIX, СПБ, стр. 109, 1897.

23. *Мудров* Матвей Яковлевич. В кн.: Змеев Л. Ф., Русские врачи, в. 1, СПБ, стр. 21—22, 1886.

24. *П. П.*, Холерное кладбище на Куликовском поле, 1831, Русская старина, т. XXII, № 5, стр. 482—499, 1878.

25. Памятная записка о профессорах Московского университета помощника попечителя Московского учебного округа, графа А. Н. Панина. Чтение в обществе истории древностей российских при Московском университете. Кн. 4, стр. 214—119, 1870.

26. *Пирогов Н. И.*, Вопросы жизни. Дневник старого врача, Оттиски из исторического журнала «Русская старина».

27. *Пирогов Н. И.*, Посмертные записки Николая Ивановича Пирогова, Русская старина, т. XLV, № 1, стр. 45, 48—49, 51—52; № 2, стр. 259—266, 1885.

28. Письма М. Я. Мудрова к Ивану Петровичу Тургеневу. В кн.: «Архив братьев Тургеневых», в. 2. Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода 1802—1804 гг., стр. 277—282, СПБ, 1911.

29. *Попов Н.*, Московский университет после 1812 г. Русский архив. кн., 1, стр. 386—421, 1881.

30. *Пыпин А. Н.*, Общественное движение в России при Александре I, СПБ, 1900.

31. *Смотров В. Н.*, Очерки из истории терапевтической школы Московского университета, Советская медицина, № 17, стр. 8—12, 1940.

32. *Снегирев И.*, Вологодские губернские ведомости, № 8, стр. 83—85, 1851.

33. *Соколовская Т.*, Русское масонство и его значение в истории общественного движения, СПБ (б. г.).

34. (Сообщение о смерти М. Я. Мудрова), Северная пчела, № 153, Внутренние известия, 1831.

35. *Страхов П.*, Краткое жизнеописание славного Московского врача М. Я. Мудрова, Московский врачебный журнал, № 1, стр. 39, 1854.

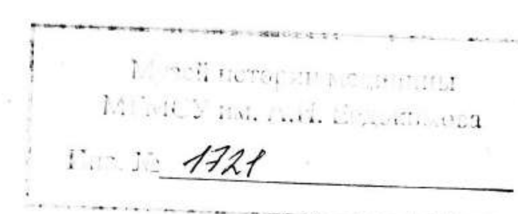
36. *Тихонравов Н. С.*, Письма профессоров Московского университета к попечителю Московского учебного округа М. Н. Муравьеву. Чтение в Обществе истории древностей российских, кн. 3, отд. 5, стр. 22—77, 1861.

37. *Толстой М. В.*, Мои воспоминания, Русский архив, кн. 1, стр. 245—313; кн. 2, стр. 42—131; кн. 3, стр. 113—172, 423—432, 1881.

38. *Чистович Я.*, История первых медицинских школ в России, СПБ, 1883.

39. *Эдельштейн А. О.*, 175 лет Первого Московского медицинского института, Советская медицина, № 17, стр. 4—7, 1940.

40. *Mudrow, Matthaus*, В кн. Biographisches Lexikon der hervorragenden Aerzte aller Zeiten und Völker, Bd. IV, Wien u. Leipzig, S. 298, 1886.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор *Б. Д. Петров*. Технич. редактор *А. Ф. Аксенов*.

А00866. Подп. к печ. 25/II 1947 г. Зак. 1234. М—Н—50. Формат бумаги 70×108/32. Печ. лист. 2,75. Уч.-изд. лист. 3,5. Знаков в 1 печ. л. 58 000. Тираж 20 000 экз. Цена 3 р. 50 к. Перепл. 1 руб.

16-я типография треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете Министров СССР. Москва, Трехпрудный, 9.

